

МАКСИМ ГАУСС

18+

КАПИТАН

Максим Гаусс

Капитан. Часть 1.

Назад в СССР. Книга 13

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73482353

SelfPub; 2026

Аннотация

Выполнение боевого задания оборвало мою жизнь. Долгая и насыщенная служба офицера спецназа, полная взлетов и падений закончена. Однако судьба распорядилась иначе и дала мне второй шанс.

СССР, лето 1987 года. Война в Афганистане закончена, Сирию оставили в покое. Передел власти в верхушке КГБ предотвращен, но это не значит, Советский Союз спасен. Внутренних проблем хватает.

Я теперь семейный человек, а это многое меняет. Теперь у меня другие цели. Группа "Зет" меняет формат работы, меняется состав. Но в итоге, полковник Хорев просит меня выполнить последнее задание...

Содержание

Глава 1. Из машины	4
Глава 2. Разбор полетов	19
Глава 3. Спецотдел ГРУ СССР	32
Глава 4. Подготовка	46
Глава 5. Контрольные «скачки»	63
Глава 6. Непредвиденные сложности	80
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Максим Гаусс

Капитан. Часть 1.

Назад в СССР. Книга 13

Глава 1. Из машины

Сознание вернулось ко мне внезапно.

Отчасти ощущения были похожи на момент пробуждения после глубокого сна и употребления алкоголя. Произошло это быстро, рывком. Почти сразу же попробовал перевернуться и приподняться, но даже не смог выпрямиться – уперся лбом во что-то плотное, но мягкое. Сразу понял, что вокруг почти полная темнота. Руки и ноги затекли.

Сразу же ощутил острую боль в висках, и почему-то в ребрах. Почувствовал, что руки в районе запястий связаны чем-то толстым, похожим на многожильную веревку. Я лежал в тесноте, скрюченный, уткнувшись лицом во что-то пыльное. Дышать было тяжело – воздух спертый. Воняло бензином, застарелым маслом и металлом.

Тряска. Ритмичная, ухабистая. Глухой рокот двигателя где-то неподалеку. И свист ветра в щелях.

Багажник?! Багажник! Сложно перепутать с чем-либо еще. Так... Меня куда-то везут!

Картинки всплывали какими-то мутными обрывками, будто сквозь грязное стекло. Белая «Чайка». Наемник в куртке и кепке. Его ровный, безжизненный голос:

– Торжество все-таки придется прервать...

Вспышка ярости. Выкручиваю руку одному, бью по ребрам другого... И тот укол, который вырубил меня наповал.

Жгучий, как укус осы. Что они мне вкололи? Яд? Нет, не похоже. Меня бы не выключило за несколько секунд. Мысль, хоть и заторможенная, была четкой. Скорее всего, они использовали какие-то сильнодействующее снотворное. Вероятно, я очнулся раньше не по плану. Несложно догадаться, что эти уроды попросту не учли, что тело тренированного разведчика – это совсем не тело офисного работника.

Мой организм месяцами закаляли, ломали и снова собирали в учебном центре ГРУ, на тяжелых заданиях, на «скачках». Мой метаболизм работал на предельных оборотах, выжигая из крови любую дрянь с удвоенной скоростью. Печень, почки – все было настроено на детоксикацию. Никакого лишнего жира, только мышцы – скорее всего, жирорастворимому препарату просто негде было задержаться. Да, он бил сильно, но неглубоко.

И моя нервная система тоже в какой-то мере эволюционировала... Боль, нехватка воздуха, стресс – для моего мозга это был не сигнал к отступлению, а команда действовать сверхмеры. И, пожалуй, какую-то роль сыграл еще и тот коктейль из шампанского и коньяка, что в меня с некоторым

успехом пытались влить гости, а в особенности Шут... В общем, ясно, что организм среагировал на снотворное, начав бороться с препаратом интенсивнее.

Факт был налицо – подобного они точно не ждут.

Везут меня на какую-то точку, стало быть, она от города недалеко. Но вот сколько я в отключке – неизвестно. Это может быть и десять минут, и два часа. Вот только почему они меня не убили? Хотят вывезти живьем? Зачем? Калугин хочет поговорить лично? Чушь! Зачем ему это?

Ответа, естественно, не было. Пока не было. Впрочем, мне это и неинтересно совсем.

Я кое-как перевернулся, принял более-менее горизонтальное положение. Согнул ноги в коленях, попытался освободить руки. Тщетно – стянули хорошо.

Вдруг машина резко дернулась, подбросив меня, и я больно стукнулся головой о крышку багажника. Под колесами заскрежетала щебенка. Скорее всего, мы съехали с асфальта на грунтовую дорогу, но после небольшого интервала тряски, вновь пошел асфальт. Вновь ускорились. Не думаю, что у меня много времени. Нужно спешно решать, как действовать дальше.

Снова тряска. Видимо, колесо попало в яму.

– Эй, полегче! – сквозь внешний шум, до меня донесся приглушенный голос из салона. – На дорогу смотри!

– Я и смотрю! – огрызнулся другой голос. – Кажется, мы заблудились!

– Отставить панику! – отозвался кто-то еще, едва слышно.

– Ну а что? Я ничего здесь не узнаю. Думал, что еще минут десять, а уже больше прошло! Может, развернуться и обратно в город?

– Успеем! Жми дальше!

План у них наверняка был. Место, где все должно было закончиться, тоже. Видимо, они что-то напутали в темноте и выехали не туда, поэтому-то и была заминка. Черт возьми, сколько же я провалялся в отключке?

Несмотря на сложную и напряженную обстановку, страха у меня не было – это чувство было мне чуждым с тех самых пор, как я накрыл своим телом ту гранату, что и стала причиной моей смерти. А заодно и билетом в молодость.

Для таких, как я, страх был роскошью. Даже в этом времени, я давно уже научился бояться.

Медленно, сантиметр за сантиметром, я начал двигать чуть онемевшими руками. Пошарил по сторонам, справа, затем слева. Пальцы нащупали какую-то жирную масляную тряпку. План освобождения от веревок реализовался буквально сам собой уже через несколько секунд – я принялся натирать этой тряпкой веревку и собственные руки, выжимая из нее все, что можно. Скользкая жирная кожа – шанс освободиться от пут.

Меньше чем через пару минут, я принялся стягивать промасленную веревку с рук. Миллиметр за миллиметром, получалось. Тяжко, слегка содрал кожу с тыльной стороны за-

пьястья. Это ерунда, заживет. Скользящая веревка все-таки сползла, освободив мне руки. Так, уже хорошо. Но это только начало.

Неясно, что за машина. Как действовать, находясь в багажнике.

Оружия нет, места мало. Тесно. Все в движении, противников трое. Ну да, условия так себе, возможностей нет.

Для начала нужно понять, что еще есть в багажнике. Вдруг, что пригодится?!

Снова начал ощупывать все вокруг. Сполз чуть ниже, поджав ноги в коленях. Кисти прощупали грубый войлок, закругленные ребра жесткости кузова. Пальцы скользнули по чему-то холодному, скользкому. Потом наткнулись на плотный брезент странной формы. Сумка, что ли?

Ну да, точно... Сумка с инструментами!

Я замер, прислушиваясь. В салоне продолжали говорить еще о чем-то, но из-за внешнего шума было сложно что-то разобрать. Если только вжаться к спинкам сидений, но опять же... Что мне это даст? Нужно не лежать, слушать и сопли жевать, а действовать.

Музыка в салоне не играла, это тоже хорошо. Вернее, плюс и минус одновременно.

Дрожащими от напряжения пальцами я нащупал клапан сумки. Заклепку на нем. Она оказалась разбитой и сломанной, поэтому под клапан я проник без проблем. Но нужно действовать аккуратно – любой неожиданный звук из багаж-

ника и они меня раскроют.

Раздалось едва слышное шуршание. Металлический лязг каких-то инструментов.

Я замер. Подключил воображение, начал ощупывать все, до чего мог дотянуться. Ключи, пассатижи, молоток, тряпка... Ага... Длинный, тонкий и холодный металлический стержень с рукояткой. Я обхватил его пальцами, перехватил удобнее. Точно, это крестовая отвертка. Спасительный кусок закаленной стали, который можно использовать как оружие, если грамотно его применить.

Оружие хорошо, но применить его, когда откроют багажник – не имело смысла. Одного, может, и сумею ранить, но их там трое. Конечно, физиономии я им подправил еще возле «Авроры», но это ерунда.

Выбраться нужно и как можно скорее. Причем из багажника в салон – этого они точно не ждут. Вот только как? Этот момент сильно зависит от того, какая машина. Скорее всего, транспорт они взяли первый попавшийся, либо на самой парковке перед рестораном, либо где-то еще. Машина явно случайная, взятая прямо на месте схватки – прибывшие в ресторан гости не задумывались о том, чтобы закрывать свои автомобили. Кому они нужны? Для наемников это тоже быстро и удобно – зачем далеко ходить?

Так, вспоминай, Громов... Что за машины стояли на стоянке? Если это Жигули ВАЗ-2101 Смирнова, то как бы я ни бился, а из багажника в салон не попаду. Никак. Сломать за-

мок крышки багажника изнутри тоже проблематично, а сделать это без шума вряд ли возможно. Это точно не «Чайка» Коньякова, такую заметную машину они бы угонять точно не стали. Это не «Волга» и судя по форме крышки багажника, не «пятерка». Могу ошибаться, но кажется, это ВАЗ-2108 друзей семьи, что позвала мама.

Насколько я помню, начиная с советских хэтчбеков именно восьмой серии, у задних сидений появилась возможность опускать их для расширения багажного пространства. Как на иномарках. Принялся ощупывать. Блин, да что же так тесно-то? Ни разогнуться, ни перевернуться толком. Глаза хоть и привыкли к темноте, но своих пальцев я все равно почти не видел. Скользя по стенке багажника справа от меня, я все-таки нащупал два знакомых жестких металлических рычажка. Отлично, это и есть фиксаторы спинки заднего сиденья!

Старая добрая механика. Уже хорошо.

План родился мгновенно. Отжать фиксаторы, упереться ногами в задний борт, затем надавить всей массой и обрушить спинку в салон, умело использовать фактор неожиданности и тесноту. Отвертка в правой руке была моим единственным козырем. Главное, чтобы на спинку в этот момент никто не облокотился, иначе мой план не работает.

Я уперся ногами в противоположную стенку, собравшись в пружину. Левой рукой нашел первый фиксатор. Правой, сжимающей отвертку, – второй. Глубокий вдох. В груди уже жгло от накатившей смеси гормонов адреналина и кортизо-

ла. И – резко, с молитвой и проклятием одновременно, я на-
давил.

Щелчок!

– Мыкола, музыку включи, а?! – донеслось до меня. Я
вдруг как-то осознал, что все они с западной части СССР. А
точно группа наемников была завербована в Пакистане?

Тот выругался. Но затем послышалась какая-то невнятная
музыка, голоса, помехи. Стало чуть громче.

Я не стал ждать. Схватился за второй фиксатор. Еще один
щелчок.

Спинка сиденья резко подалась вперед. Я рванулся за ней,
как из катапульты, всем телом, сгруппировавшись, в образо-
вавшийся проем. Толкнулся ногами. Музыка частично скры-
ла шум.

– Ты чего там? – не оглядываясь, спросил водитель.

Тусклый, но все равно неприятный для глаз свет сало-
на только помешал. Я влетел в него кувырком, ударившись
плечом о спинку переднего кресла. Внутри пахло табаком и
потом. Теснота, места для маневров очень мало. Ну да, по-
сле относительно просторных УАЗов, БТРов и вертолетов, я
многое позабыл.

– Ах ты ж зараза! – заорал пассажир слева от меня, тот
самый, с рукой на перевязи. Он в полумраке не сразу понял,
что произошло. Но уже через секунду резко отпрянул, его
глаза, расширились от шока. Ага, не ожидал, что я выкину
подобный номер.

Все это заняло буквально пару несколько секунд.

Водитель, мужик с распухшим свернутым набок носом, в плотной куртке, инстинктивно бросил взгляд в зеркало заднего вида, его рот открылся от накатившего изумления. Здоровая рука потянулась к пистолету, заткнутому за пояс. Но видимо, по ребрам ему прилетело хорошо – тот зашипел от боли, но пистолет так и не достал.

– А-а-а! С-сука...

Тот, что был на переднем сиденье, заметил меня.

У меня не было ни секунды. Я рванулся вперед и со всей дури, с криком, в котором была вся моя ярость и злость, вонзил свою крестовую отвертку ему в бедро, значительно выше колена. Не чтобы убить. Чтобы обездвижить и временно вывести из строя. Хотя, это я, конечно, зря такой добрый...

Он взревел от боли, схватившись за ногу.

Водитель, охваченный паникой, рефлекторно ударил по тормозам.

Машину резко бросило вперед. Меня еще дальше швырнуло на переднее сиденье, я принял достаточно удобную позу. Это спасло мне жизнь. Я почувствовал, что пассажир спереди резко засуетился – скорее всего, он сейчас левой рукой рвет кобуру на поясе.

– Громов, сука! – прохрипел он, пытаясь навести на меня ствол, но из-за тряски и очень неудобного положения, у него ничего не получалось. Я тут же с силой ударил по руке, отчего тот выронил пистолет и тот укатился куда-то вниз. В

полумраке сложно понять, чем был вооружен тот, что сидел на месте пассажира справа от водителя.

– Тормози, мля! Валите его!

Я не стал церемониться. Я вытянулся, выбросил руку вперед и вырвал пистолет из-за пояса заднего пассажира. Его, в отличие от упавшего, было видно более чем хорошо. Это был типичный «Макаров», явно не один год бывший в использовании. Палец, прекрасно знакомый с этим огнестрелом, сам собой нашел спуск. Рука, державшая оружие, сама собой уперлась ему сбоку, почти под мышку.

Дважды грохнул выстрел, оглушительный в ограниченном пространстве автомобильного салона. Пуля вошла ему под ребра. Он вскрикнул, захрипел. Но не было времени наблюдать за ним.

Водитель, с перекошенным от ужаса лицом, потянулся куда-то в сторону, вероятно, уже за своим оружием.

У меня не было выбора. Я кое-как перегруппировался, навел на него ствол пистолета и почти в упор, с расстояния всего в полметра, через сиденье дважды выстрелил ему в спину. Его тело отлетело к окну, голова треснулась о стекло.

Но старший, в кепке, был жив. Хотя он и лишился пистолета, но это вовсе не значило, что у него нет другого. К тому же еще был пистолет у застреленного мной водителя.

Я поменял позицию, приподнявшись на заднем сидении. Увидел наемника в кепке. Его глаза, полные ненависти и какого-то почти что удивления, смотрели на меня. Он резко

вскинул руку – в ней была граната.

Я действовал инстинктивно. Еще дважды выжал спусковой крючок. Пламя дважды вырвалось из ствола ПМ. Пули прошли через тонкую спинку переднего сиденья. Тот вскрикнул и согнулся пополам. А я, рывком дотянувшись до двери, дернул ручку. Дверь открылась, но мы все еще двигались.

Машина, оставшаяся без управления, проехав еще несколько десятков метров, с глухим стуком ударилась передком обо что-то твердое и тяжелое. Затем замерла, зарывшись бампером в землю. Стекло треснуло, паутина пошла по лобовому. Воцарилась тишина, нарушаемая лишь предсмертным хрипом пассажира и шипением из-под капота.

Сердце колотилось, выпрыгивая из груди.

Сам не помню, как я лихорадочно откинул переднее сиденье вместе с мертвым водителем, как дотянулся и открыл дверь. Как рывком, чуть ли не рыбкой, вывалился наружу, повалившись на землю. Все это заняло пару-тройку секунд. По-хорошему, вряд ли бы я успел покинуть авто до взрыва гранаты.

Тем не менее рванул прочь и через пару метров плашмя растянулся на земле. Взрыва не последовало. Наемник не успел выдернуть предохранительное кольцо.

Выждал несколько секунд. Поднялся на ноги и медленно двинулся к машине. Поравнялся с окном пассажира – тот был еще жив. Повернул ко мне голову – зубы и подбородок

в крови. Он был совсем плох.

— Громов, сука... — прохрипел он, глядя на меня с ненавистью. — Нужно было тебя пристрелить, да заказчик иное велел... добей меня!

Я выстрелил еще раз. Последний. Все равно от него уже ничего не узнать, его даже до больницы не довезут.

Наемник вздрогнул и замер. Все.

Судорожно выдохнув, я осмотрелся по сторонам. Вокруг одна темнота. Какие-то поля.

Вдали — редкие огоньки. Мы были в чистом поле, на какой-то старой дороге. Машина, в которой я ехал, действительно, была ВАЗ-2108. «Восьмерка». Не ошибся, значит, когда анализировал. Это точно одна из машин гостей, угнанная прямо со стоянки. Оперативно они транспорт добыли, что тут добавить?

Я заставил себя вернуться в адский салон. Проверил пульс у всех — три двухсотных. Забрал оба ПМ, обыскал карманы. Нашел пару обойм, ключи, смятые пачки сигарет. Ничего, что могло бы вывести на заказчика и доказать, что это был Калугин. Я тщательно протер какой-то тряпкой ручки дверей и все, к чему прикасался. Вытер лицо и руки. Погасил свет фар. Проверил, чтобы не осталось ничего, что могло бы указать на меня и мое возможное присутствие здесь.

Потом, прихватив отвертку и стволы, не оглядываясь, зашагал по темной дороге. Уже метров через триста выбросил все в какую-то канаву, заполненную жидкой грязью. Добрал-

ся до перекрестка, где свернул налево. Уже через несколько минут поймал попутку.

Мне повезло. Остановился «Москвич 412». Водитель, уставший мужик, остановился. Осмотрел и кивнул на пассажирское сиденье.

– Дрались? – хрипло спросил он, бросив на меня косой взгляд.

– Что-то вроде того, – ответил я, глядя в темное стекло. На моей некогда белой, а теперь грязной и в бурых пятнах рубашке. Свадебная рубашка. – Свадьба бурная оказалась.

– Понимаю, знакомо! – хмыкнул он. Дальше ехали молча.

Оказалось, что от Батайска мы уехали недалеко, всего-то километров на пятнадцать.

Он высадил меня на площади, недалеко от «Авроры». Пешком я добрался до нее минут за пять. Музыка все еще гремела. Праздник, моя свадьба, продолжалась, словно ничего и не случилось. Сколько же прошло времени? Минут сорок, не меньше. Хотя, хрен его знает.

Я вошел внутрь. Волна тепла, смеха, музыки и запаха еды обрушилась на меня. Я стоял в дверях, окровавленный, пропахший потом и бензином, а в метре от меня люди веселились, пили, танцевали.

Первым меня увидел Шут. Он что-то рассказывал Свете, размахивая руками, и его улыбка медленно сползла с лица, когда его взгляд упал на меня.

– Макс? – его голос прозвучал тихо, но я услышал его

сквозь грохот музыки. – Твою мать... Что с тобой?

Я подошел, схватил его за локоть. Мои пальцы оставили грязный след на его рубашке.

– Собирай всех. Срочно. Смирнова, Самарина. Подсобка. Сейчас же. Где Лена?

– Да вон она, с мамой твоей. Они там с Лосем что-то активно обсуждают.

– Сколько меня не было?

– Да недолго. От силы полчаса. Я вообще думал, что ты здесь.

– Ясно. Так... Лена не должна меня видеть таким.

Мы столпились в тесной, пропахшей чем-то непонятным комнатухе. Я закрыл дверь, заглушив звуки праздника. Четыре пары глаз уставились на меня, на мою рубашку.

– Они были здесь, – начал я, и мой голос прозвучал хрипло и устало. – Наемники. Калугина. Трое. Взяли меня, когда я вышел. Едва Шут ушел, накинудись из темноты. Вкололи снотворное. Увезли за город.

Далее я коротко, без всяких прикрас, выложил им все результаты схватки. Все, как есть.

– Машина в кювете, километров десять от города, по старой трассе. Следов моих там нет.

В комнате повисло тяжелое молчание. Шут первым нарушил его, тихо выдохнув:

– Всех?

– Всех, – подтвердил я.

– Ни хрена себе... так, нужно связаться с Кэпом. Он разрулит ситуацию с машиной и телами, через ментов все замнут.

– Угу...

Вдруг дверь скрипнула. В проеме показалась моя мама. Ее лицо, сияющее от счастья, атмосферы радости и выпитого шампанского, стало вдруг серым и взволнованным. Ее взгляд скользнул по моему лицу, по моим рукам и упал на грудь, на темные пятна, проступившие сквозь белоснежную ткань.

– Сынок... – ее голос прозвучал таким шепотом, полным неосознанного ужаса, что у меня сжалось сердце. – Максим, что это?

Глава 2. Разбор полетов

Ее голос оборвался, когда взгляд скользнул вниз, зацепившись за мою рубашку. Уже не белоснежную, а в грязных разводах, с темными, бурыми пятнами, проступившими на груди и на правом рукаве. Ее глаза расширились, наполняясь непониманием.

– Мам, все нормально, – улыбнулся я. – Не переживай... У нас тут мероприятие!

Словно не услышав меня, она растерянно сделала шаг вперед. Ее рука потянулась в мою сторону, но замерла в воздухе, словно боясь прикоснуться. Освещение в подсобке было плохим, искажало реальную картину, а соответственно, и общее восприятие. Шут, сориентировавшись, частично заслонил меня, чем слегка снизил градус накала атмосферы. Визуально все было нормально: никто не дрался, никто не кричал. Мы просто разговаривали, а на мне всего лишь была грязная одежда в пятнах, похожих на кровь. Или на пролитое вино. Все.

К счастью, в этот момент из-за ее спины, заполняя собой проем, возник прапорщик Лось. Его глаза опытного военного пенсионера, привыкшие оценивать обстановку за долю секунды, провели осмотр комнаты и анализ ситуации. Он все понял правильно.

Ну да, он уже знал, что за мной охотятся наемники. Знал,

что они профессионалы. Знал род моей деятельности и моих ребят. Само собой, он все понял правильно – моя перепачканная одежда, бледные, напряженные лица ребят, напряженное молчание. Он тактично не стал задавать глупых вопросов, а наоборот, взял ситуацию под свой контроль, намереваясь разрядить обстановку, объяснив, что ничего криминального не случилось и вообще, праздник в самом разгаре.

– Татьяна Ивановна! – его голос, хриплый и властный, прозвучал негромко, но с такой неоспоримой интонацией, что женщина сразу же обернулась. – А я вас по всему ресторану ищу! Тут, понимаешь, дело житейское вышло, без вас не решить! Выручайте!

Он мягко, но непринужденно взял ее под локоть, слегка разворачивая ее от меня, одновременно своим телом заслоняя картину нашего совещания в тесном помещении.

– Какое еще дело, Михаил Михайлович? Тут вот... – голос мамы еще дрожал, но интонация уже была чуть другой. Она еще пыталась заглянуть за его широкую спину. – Вы посмотрите на Максима! Он же в крови!

– В крови? – Лось флегматично повернул голову в мою сторону, будто впервые заметил. – А, это... вы же неправильно поняли! Да не кровь это, Татьяна Ивановна, не кровь. Вино, просто вино. Это ж военная традиция у ребят... Он же где у нас служат? Правильно, в Азиатском Военном Округе. А там свои традиции, восточные. Перенимают, куда деваться. Это нормальное явление. А вы чего подумали? Драка? Да

вы посмотрите, у всех носы и зубы целые, крови ни у кого нет. Ну?

Естественно, никакого Азиатского военного округа не существовало. Это Лось приврал, причем уверенно – даже глазом не моргнул. Выглядело убедительно, особенно мимика. А драки и впрямь не было, все целые и невредимые.

Мама замерла, уставившись на него в полном недоумении. Переводила растерянный взгляд то на меня, то на прапорщика. Нужно было чуть надавить и добавить деталей объяснению.

– Все правильно, мам! – улыбнулся я. Самарин тоже выдавил улыбку, но стал больше похож на мясника-людоеда.

Лось шумно вздохнул, приняв вид человека, вынужденного объяснять очевидные вещи непосвященному человеку.

– Ну, армейская традиция у них такая, – повел он плечом, и на его лице появилось что-то вроде уставной, немного виноватой ухмылки. – Молодоженам, значит, на счастье. Чтобы жизнь долгой и крепкой была. Да, прямо на свадебном костюме... Вот у танкистов, у отличившихся бойцов – в саже из выхлопной трубы БТР или танка вывалиют, или, как в нашем случае, вином Кагором, который за кровь считают. Как будто на крови, уж выглядит точно так. Ну, а Макс Громов у нас человек известный, вот и подошли к делу с душой. Подкараулили, когда он на воздух вышел, и... облили, да! Всю рубашку и штаны новенькие, жениховские, испачкали. Хорошо, хоть пиджак на стуле остался висеть. Они сейчас

закончат и вернут нам жениха на праздник, в целости и сохранности... Ну чего вы так переволновались?

Она еще сомневалась.

— Вот он и отбивался, как мог, — Лось одобрительно хмыкнул. — Он один, а их трое. Да вы на Самарина посмотрите, сто двадцать килограмм живого веса, ну? Отсюда и вид, будто его цыгане выкрасть пытались. А кровь — то не кровь, а самое, что ни на есть обычное вино. Вино-то ладно, отстирается! Смирнов, а масло откуда на рубашке?

— Да на асфальте лужа была... — проямлил тот. Получилось не совсем убедительно.

— Дилетанты! — махнул рукой Михаил Михайлович. — Ну, не каждый день женятся, что поделаешь?

Он говорил спокойно, обстоятельно, с такими живыми деталями — и про БТР, и про кагор, что даже я на секунду поверил в эту грамотно придуманную нелепицу. Его голос был полон такой бытовой, мужской солидарности и легкого снисхождения к этим «глупым армейским ритуалам», что это действовало гипнотически.

Мама смотрела на него, пытаясь прочесть в его глазах ложь, но видела лишь усталую искренность старого служаки.

Да и мое физическое состояние не выглядело так, будто что-то случилось. Я даже улыбаться начал, мол, прав старшина — глупые традиции, а мы их просто поддержали. Про танкистов и традиции вываливания в сажу от бронетранспортера я и не слышал никогда.

– Правда? – выдохнула она, и в ее голосе послышалась первая, слабая нота облегчения. – Только вино? Вы меня не обманываете?

– Конечно, нет. А вы Максима понюхайте! – вдруг выдал Шут. Это прозвучало неожиданно. – От него же маслом машинным несет, как от дизелиста!

И верно. Багажник ВАЗ-2108 весь был в пятнах масла, да и та тряпка, что я использовал для снятия пут. От меня реально несло маслом, а вовсе не кровью. Хотя этот запах мне был очень хорошо знаком.

Мама понюхала и тут же сморщилась.

– Фу, действительно.

– Да ерунда это все, Татьяна Ивановна! – Лось махнул рукой, окончательно переходя в наступление. – Рубашку заменим позже, это же всего лишь вещь. Зато теперь у них с Ленкой вся жизнь будет счастливая, проверено армейскими традициями! А теперь идемте, вас там родственница в возрасте ищет. Все про пироги спрашивает, какие на свадьбе должны быть, а я что? Я старый солдат на пенсии, мне лишь бы хлеб да тушенка была. Вы уж разберитесь с ней, вы же специалист.

Он, не прекращая трещать, уже вел ее по коридору назад, в зал. Мама на ходу обернулась, крикнула мне:

– Максим, ты точно в порядке?

– Все в порядке, мам! – крикнул я ей в ответ, заставляя губы растянуться в улыбку. – Иду умываться!

Дверь закрылась, и музыку снова стало слышно приглушенно. Вот так ситуация, еле выкрутились.

Но важно не это. Важным был тот факт, что парни, мои верные сослуживцы, которых Игнатьев отправил со мной для подстраховки и противодействия угрозы, профукали ее. Причем самым банальным образом. Подвыпили, начали приударять за девушками. Это касалось Корнеева, в большей степени.

И они поняли свою вину.

Первым тишину нарушил Димка Самарин. Он стоял, упершись головой в прохладную стену, его могучие плечи были напряжены до дрожи.

– Макс, это все наша вина, – прорычал он в штукатурку, его голос был глухим от злости на самого себя. – Наша прямая, служебная халатность. Знали и понимали, что угроза реальна. Имели доказательства. Должны были держать периметр, работать в режиме ближней охраны. А вместо этого... – он с силой ударил кулаком по стене, та глухо ахнула. – Вместо этого расслабились, как дембеля. Гражданка в голову ударила, музыка, шампанское... сидели, жрали, пили... а командира... чуть не угробили! Прости, Макс!

Женька Смирнов, бледный, с нервно подрагивающей рукой, несколько раз кивнул головой.

– Димка прав, – его голос сорвался на шепот. – Мы подвели тебя. Я подвел. Я же не пил совсем, за рулем же. Должен был бдить, что ты долго не возвращаешься. Должен был

поднять тревогу. А я... я сидел, смотрел, как Шут дурака валяет, и думал: «Вот, хорошо посидели». Дурак я, а не разведчик! На ровном месте так провалить дело!

Паша Корнеев стоял ко мне спиной. Его обычно гибкая, готовая к любой выходке фигура, сейчас казалась одеревеневшей.

– Я главный болван! – он обернулся, и в его глазах не было ни капли привычного балагурства. – Это я тебя там, у ресторана, одного бросил. Сказал, мол, не задерживайся, а сам смылся к свидетельнице. В тот момент посчитал, что баба важнее боевой задачи. Я же видел, что тебя нет полчаса... Решил, что ты со старшиной поговорить отошел.

Он с силой выдохнул, и его плечи сгорбились.

– В морду мне за такое нужно дать! Я же старший по группе, меня Кэп не для веселья отправил, а я... из-за меня ты чуть не погиб. Прости, командир.

Я посмотрел на них – на этих троих парней, готовых идти за меня в огонь и в воду. На их лицах была не просто формальная вина, а настоящая, грызущая боль от собственной ошибки, стоившей усыпления и приключения в багажнике. В боевой обстановке они бы костями легли, но не допустили бы подобного. Только я в полной мере понимал, что мятежный генерал Калугин и нанятые им наемники были слишком хитрой и целеустремленной угрозой, чтобы от них можно было легко отмахнуться.

– Все, хорош! – решительно, но негромко отрезал я. –

Хватит этого самобичевания. Я жив. Здоров. О наемниках такого уже не скажешь. Задача выполнена. Угроза нейтрализована, пусть и не так, как этого хотелось бы!

Я подошел к Димке и Корнееву, посмотрел на Женьку, заставил его встретить мой взгляд.

– Вы не виноваты. Виноват тот, кто послал этих ублюдков. Виноват я, что недооценил их наглость. Мы все вместе эту работу проворонили, расслабились. Все закончилось. Так что хватит сопли тут жевать. – Я позволил себе короткую, уставшую ухмылку. – Сейчас мне нужно привести себя в порядок и вернуться к невесте. Только мне помощь нужна. Вопросы?

Они молча кивнули. Вопросов не было. Вина с их лиц, естественно, не ушла, но ее сменила привычная собранность. Задача была ясна.

– Жень, – я повернулся к Смирнову. – Сгоняем домой, по-быстрому. Переоденусь в чистое и обратно. Вы же тут... придумайте, что Лене сказать. Что-нибудь правдоподобное. Впрочем, объяснение старшины тоже подходит. Его и держим за основу. А то будет странно, матери одно сказали, же не другое.

– Сделаем, – кивнул Смирнов, уже доставая ключи. – Придумаем!

Мы снова выскользнули через черный ход. «Копейка» Женьки мягко тронулась и понеслась по ночным, почти пустым улицам Батайска. Я сидел, молча глядя в окно, чув-

ствуя, как адреналин окончательно отступил, оставив после себя лишь неприятный осадок. И странную усталость.

Попав в квартиру, я действовал на автомате.

Скинул испачканную в нескольких местах рубашку и аккуратно, будто сапер с миной, завернул ее в старый полиэтиленовый пакет, чтобы потом выбросить ее и избавиться от ненужных улик. Быстрый, но тщательный душ с шампунем смыл запах масла, крови и пота. Я смотрел на воду, уходящую в слив, и понемногу приходил в себя.

Надел чистую, запасную белую рубашку, тот же, чуть помятый, но все еще приличный пиджак. В зеркале на меня смотрел уставший мужчина с темными кругами под глазами, но в целом – вполне себе жених, почти такой же, как и до похищения наемниками. Ничто, кроме легкой бледности и едва заметной царапины на скуле, не выдавало во мне человека, недавно вышедшего из кратковременной, но жесткой мясорубки с применением огнестрельного оружия.

Когда мы со Смирновым вернулись в «Аврору», праздник еще бушевал, но уже тише. Часть гостей разъехалась. Мама, увидев меня чистым и переодетым, тут же бросилась ко мне, ее лицо выражало смесь облегчения и остаточной тревоги.

– Ну вот, совсем другое дело! – сказала она, поправляя мой воротник. – Михаил Михайлович все подробно рассказал... Глупые у вас традиции эти! Испортили такой замечательный костюм!

– Ничего, мам, – я обнял ее за плечи. – Главное, теперь

счастье будет. А костюм, это же так. Ерунда.

Лена подошла следом, ее глаза блестели от волнения.

– Максим, где ты пропадал? Вы там что, правда, какие-то свои армейские традиции исполняли?!

Я встретил взгляд Самарина, стоявшего за ее спиной. Он едва заметно кивнул. Не подкопаешься. И мама теперь может подтвердить. Обстановку мы разрядили.

– Да, не хотел тебе об этом говорить! – я с легкой улыбкой ответил Лене. – Парни сами все организовали, а я попался. Рубашку, правда, жалко.

– А-а... да наплевать на рубашку! – она обняла меня, прижимаясь щекой к моей груди. – Главное, что все в порядке! Я вроде видела тебя, потому и не волновалась.

Ну да, не хотелось мне врать невесте. Вернее, уже законной супруге. Некрасиво это. Но узнай она правду, чем бы это все закончилось? Я очень надеюсь, что подобная ситуация никогда не повторится и мне не придется вновь спешно изобретать рабочую версию. Я не хотел допускать каких-либо тайн от любимой женщины. А этот раз, это так... исключение из правил!

Я держал ее за талию, чувствуя, как ее тепло и доверие постепенно растворяют во мне последние льдинки ночного кошмара. Ложь, ради этого света в ее глазах, ради мирного неба над головой.

Свадьба догуляла ближе к утру. Когда первые лучи солнца позолотили стекла «Авроры», оставшиеся гости, поряд-

ком уставшие, пьяные и счастливые, ничего не подозревающие, начали разъезжаться. Мы с Леной прощались, принимали последние поздравления, и в этой простой, человеческой радости уже не было места для угрозы со стороны генерала, который стал позором для великой страны и для меня лично.

Остаток ночи, вернее, утра, прошел именно так, как и должен был. Ночь с невестой в гостинице. Это Смирнов с Самариным подсуетились.

А спустя несколько часов, когда полуобнаженная Лена еще спала, запутавшись в белоснежном пододеяльнике, я тихонько вышел на улицу, отыскал телефон-автомат и по межгороду позвонил майору Игнатьеву. Тот перезвонил с какого-то отдельного номера. Я говорил, а он слушал. Говорил, заменяя некоторые слова, хотя в этом особой необходимости не было. Время не то. Выслушав мой подробный доклад, он ответил:

– Понял тебя, Гром. Молодец, что живой. Шут мне уже доложил в общих чертах, часа два назад. Наша недоработка, что подпустили их так близко. Не беспокойся, никаких к тебе вопросов от местных властей не будет, я этим займусь. У меня есть знакомые люди. В Министерстве Внутренних Дел даже если что найдут или заподозрят, против героя Советского Союза и лейтенанта ГРУ, обвинений выдвигать не будут. Раз это наемники, на них мало что найдут. В газетах напишут, мол, бандитские разборки на трассе или что-нибудь

в том же роде. И никаких фамилий, никаких связей со вчерашней свадьбой. Свидетели вряд ли будут. Машину угнали, потом нашли, а там тела. Все чисто. Понятно?

– Понятно, Кэп, спасибо.

– Не благодари, тоже мне придумал. Отдыхай. Заслужил. И поздравляю вас со свадьбой!

Я положил трубку. Глубоко вздохнул. Воздух пах свежестью и сиренью. Теперь можно было думать о будущем. О настоящем будущем.

На следующий день, за завтраком, я сказал Лене:

– Знаешь, а ведь у меня в запасе почти целый месяц. Не пропадать же ему. Как насчет того, чтобы махнуть на море? Например, в Сочи. Там уже тепло, солнечно. Голубое море, яркое солнце и песок. Только мы с тобой, на неделю или больше. Что скажешь? Пусть это будет наш медовый месяц!

Ее лицо озарилось радостью, что все темные тени прошлого окончательно рассеялись.

– Правда, Максим? Это было бы чудесно!

– Значит, решено! – решительно заявил я. – Ну, Громова Елена Михайловна, собирайте чемоданы! Через пару дней выезжаем!

Оформление путевок заняло минимум времени – сыграли свою роль и обещание Волкова, и то, что Игнатьев поспособствовал. И вот мы уже сидели в купе поезда, следующего на юг. За окном мелькали зеленеющие поля и леса, реки и озера, а потом показались величественные склоны Кавказ-

ских гор, и, наконец, ослепительная синева Черного моря.

Сочи встретил нас ласковым, теплым ветром, густым запахом хвои, водорослей и морской соли. Мы сняли номер в гостинице, буквально в двух шагах от пляжа из мелкой гальки. Ну, если сравнить тот курортный город, что я запомнил из прошлой жизни, и настоящий Сочи, то это небо и земля. Все просто, скромно и тихо. И это хорошо.

Наши дни теперь были размеренны и прекрасны в своей простоте: утренний кофе на балконе с видом на бескрайнюю синеву; долгие часы на пляже, где я загорал, а Лена смеясь, убегала от еще достаточно прохладных майских волн; прогулки по набережной с мороженым в руках; ужины в открытых кафе.

Я смотрел на любимую женщину. На ее спокойное, счастливое лицо, на то, как она радуется простым вещам. Вот он тот самый мир, та самая тихая гавань, ради которой стоит сражаться.

И я поклялся себе, что сделаю все, чтобы этот мир, эта хрупкая радость, были надежно защищены. Все, что было до этого – осталось там, в другом измерении. Здесь же, под южным солнцем, начиналась наша с ней новая жизнь. Жаль только, отпуск не вечный...

Глава 3. Спецотдел ГРУ СССР

Солнце припекало кожу, еще не привыкшую к такому влажному климату.

Я лежал на шезлонге, глядя сквозь темные солнцезащитные очки на Лену. Она, смеясь, подбегала к самой кромке воды, касалась босой ногой накатывающей пены и с визгом отскакивала обратно. Супруга честно призналась, что до этого времени ни разу не была на Черном море. Только на Азовском, да и то, когда совсем маленькая была.

– Холодная! – кричала она, и ее голос тонул в мерном шуме прибоя. – Не пойму, как ты в ней купаешься?

– Это нормально. Середина мая на дворе, – улыбнулся я, откидываясь на спинку шезлонга. – А я привычный, шкура, как у моржа. Хотя я и не сибиряк.

Но она только смеялась, а затем снова повторяла свой ритуал. Видно было, что девушка, действительно, счастлива. Она радовалась простым вещам, иногда вела себя как девочка. Ее хорошо можно понять – что она видела с отцом-военным, который везде таскал ее за собой, пока та не подросла? Что видела, когда была геологом на вынужденной стажировке, живя в палатках без нормальных условий? Потом едва не попала в плен в Афганистане, несколько раз меняла род деятельности, а потом меня ждала. Одна. Почти целый год рутины в постоянном ожидании. Естественно, такая сме-

на обстановки подействовала на нее одурманивающим образом.

И вот теперь ее жизнь наконец-то изменилась. Она заслужила. И разве не о подобном мечтает каждая советская девушка? Да-а, к сожалению, современных девушек из двадцать первого века с советскими не сравнить. Простота, скромность и искренность на первом месте. А в будущем прекрасный пол почти все оценивает по уровню материального обеспечения молодого человека. А чаще и немолодого тоже.

Улыбаясь, я наблюдал за супругой, а внутри все переворачивалось от странного, давно забытого чувства покоя и спокойствия. После пыльного и кровавого, прожженного солнцем Афгана, после схваток с душманами, с наемниками, после всех тревог и перестрелок, эта мирная идиллия казалась чуть ли не сном. Но это был сон наяву.

В тот же вечер мы ужинали в ресторане нашей гостиницы. Небольшой зал с ажурными деревянными решетками, столиками и белоснежными скатертями на них, открытой верандой выходил в сторону моря. В углу пианист и скрипач исполняли что-то из классики, мелодия была тихой, ненавязчивой, создавая легкую романтическую атмосферу. Пахло морскими водорослями, морской свежестью и готовящимся неподалеку шашлыком.

– Что будешь заказывать? – спросил я, перелистывая меню.

– Не знаю, – Лена смотрела на меня задумчиво. – Все такое красивое... давай закажем рыбу на гриле и салат? И вина. Белого, полусладкого.

– Как скажешь. А на десерт мороженое?

Лена улыбнулась. Мороженое она любила, особенно сливочное. И откровенно говоря, я тоже. Все-таки в те годы оно было нереально вкусным, даже каким-то особенным. Особенно в заведениях, в изящных хрустальных креманках.

Официант, высокий, худощавый мужчина с закрученными усами, принял заказ и вскоре принес бутылку охлажденного «Цинандали». Аккуратно разлил по бокалам.

Мы чокнулись. Звякнуло стекло.

– За нас, – довольно прошептала Лена, и в ее глазах отразились огоньки. – За нашу новую жизнь.

– За нас, – согласно кивнул я, делая глоток. Вино было легким, с нежными фруктовыми нотами.

Мы ели почти молча, наслаждаясь вкусной едой, музыкой и видом на темнеющее море. Но, несмотря на умиротворяющую романтическую обстановку, я чувствовал, что у Лены накопились вопросы.

– Тебя что-то беспокоит? – поинтересовался я.

Она застенчиво улыбнулась, затем отложила вилку и посмотрела мне в глаза.

– Максим, а как у нас будет складываться семейная жизнь? Вот вернемся в Краснодар, где мы будем жить? В общежитии? Но как же твоя служба? И вообще, что за долж-

ность у тебя, а то ты же мне почти ничего не рассказываешь...

Я вздохнул, отодвинув почти пустую тарелку.

Вопросы были закономерными, но на часть из них ответов у меня и, правда, не было. Пришлось начинать издалека. К слову сказать, историю про Калугина я ей рассказал, но все подвел к тому, что сам в этом никак не участвовал, просто слышал. Ни к чему ей знать, что ее новоиспеченный муж чуть ли не самый дерзкий и отчаянный разведчик во всем Афгане. Возможно, позже, я ей все расскажу, но не сейчас.

– Так сразу я тебе и не скажу. Ну, начну с конца... С моей новой должностью командование пока не определилось, – честно сказал я, думая об известном мне будущем. – Вот с отпуска выйду, возможно, что-то сразу и узнаю. Вообще, после всей истории, ну той, что я тебе рассказывал про генерала, который из страны убежал, что-то точно изменится. Возможно, теперь нашу армию, да и всю страну ждут перемены. Вряд ли меня оставят служить в Ташкенте надолго, поэтому попрошусь куда-нибудь поближе к Краснодару. В идеале вообще, устроиться служить в высшее военное училище, где я совсем недавно учился. Но вообще, все сложно. Что там решат люди в больших погонах и что дальше будет с Министерством Обороны, пока никто не знает.

– А куда тебя могут послать? Надеюсь, не в Афганистан? – в ее голосе прозвучала тревога.

– Нет, точно нет. Война в Афганистане хотя и окончена,

но там еще не все так просто. На юго-западе республики еще есть наши гарнизоны, которые добивают остатки оппозиционных сил у границ с Ираном и Пакистаном. Скорее всего, теперь страна начнет восстанавливать связи с Европой, а там и новые возможности откроются. И перспективы. А что касается нас, так я сделаю все возможное, чтобы быть ближе к тебе. Для начала, пока отпуск, проживем в Краснодаре, но только не в том общежитии. Это уже не наш уровень, не семейный. Обязательно снимем с тобой квартиру, чтобы никто не мешал. Деньги есть, с этим проблем, думаю, не будет. Даже шиковать, иногда можно, но осторожно. Не переживай, солнце. Скоро все утрясется. Главное, что мы с тобой теперь вместе.

Она накрыла своей ладонью мою лапу.

– Просто я так боюсь оставаться одна. Ждать, пока ты позвонишь, напишешь или приедешь. Не знать, как ты там, где...

– Знаю, – я переплел свои пальцы с ее пальцами. – Но теперь все будет по-другому. Обещаю.

Неделя в южном Сочи пролетела как один миг. Дни были наполнены простыми радостями: вкусными завтраками, отдыхом на солнечных пляжах, долгими прогулками по набережной, где мы ели мороженое, пили лимонад и смеялись над забавными сувенирами, вечерами, проведенными в номере под доносящиеся звуки морского прибоя. Мы даже купались, несмотря на прохладную воду.

Наконец пришло время возвращаться. Это вызывало какую-то щемящую тоску в сердце, но, к сожалению, все хорошее когда-нибудь да заканчивается. Мы сели на ночной поезд и ближе к утру были уже на железнодорожном вокзале в Краснодаре. На такси добрались до ее общежития.

Оно встретило нас неприветливо. Серое пятиэтажное здание с облупившейся штукатуркой, маленькими унылыми окошками и вечно недовольной вахтершей. Одного дня хватило, чтобы мы окончательно решили, что все – хватит! Отпуск продолжался, времени впереди было еще достаточно много, поэтому мы занялись поиском квартиры.

Для этого я прямо с утра вооружился стопкой местных газет, где штудировал все объявления о сдаче недвижимости.

Квартира нашлась довольно быстро – двухкомнатная, небольшая, но уютная, в старом кирпичном доме недалеко от центра города. Мы потратили пару дней, чтобы перевезти из общежития наши нехитрые пожитки, купить недостающую мебель и вообще, привести все в порядок. Лена с энтузиазмом взялась за обустройство и уют, развешивала занавески, расставляла посуду.

В эти дни город казался нам особенно красивым.

Мы гуляли по улицам, залитым весенним солнцем, заходили в скверы, кино, парки. Болтали и мечтали о будущем.

Как-то вечером, возвращаясь из кинотеатра, мы заговорились и свернули в короткий переулок, чтобы срезать путь. Было уже поздно, и на улицах почти никого не было.

– А дети... – неожиданно сказала Лена, глядя на огни в окнах многоэтажек. – Как ты думаешь, когда?

– Да хоть завтра, – улыбнулся я, обнимая ее за плечи. – Только для такого квартиру нужно уже иметь свою. Чтобы не таскаться с кроватками и колясками по чужим углам.

– Мечтатель, – она легонько толкнула меня локтем, но в ее голосе слышалась радость. Конечно же, подобный вопрос волновал любую молодую женщину. Особенно в те годы.

Все было нормально, впереди уже виднелся наш дом. Но неожиданно, из-за угла ближайшего гаража вывалилась пьяная компания – пятеро парней в растянутых спортивных костюмах. Даже в темноте было видно, что они ищут приключения. От них разило перегаром и дешевым портвейном.

– О, пацаны, глянь-ка! – хрипло крикнул один, самый крупный, с бритым черепом. – Парочка! Жених с невестой, бляха! Ха-ха... идут, за ручку!

– Эй! Денег дадите, голубки? – подошел второй, нетрезво пошатываясь.

– Проходите, ребята, не ваше дело, – спокойно сказал я, заслоня собой Лену.

– А если мы не хотим проходить, а?! – «бритоголовый» тыкнул мне пальцем в грудь. – Мы тут гуляем. А вы нам настроение портите. Своим счастьем. Девку красивую привели, а с нами не поделились. Непорядок.

Я почувствовал, как по спине пробежал холодок. Старая, знакомая волна адреналина. Но я попытался погасить ее.

– Предлагаю разойтись по-хорошему, – спокойно, стальным голосом произнес я, глядя ему прямо в глаза. – Пока не ничего плохого не случилось!

– Чего? Это ты нам угрожаешь, что ли? – зарычал он и сделал шаг вперед.

– Ребята, идите куда шли! – воскликнула Лена. – Вам заняться нечем?

– Вот мы сейчас и займемся! – облизнулся третий, громко рыгнув. Его дружки дружно заржали.

Я тяжело вздохнул. Ну не хотелось мне с ними разбираться с применением физической силы. Их пятеро, я один. Мне-то эту пьяную гоп-компанию раскидать вполне по силам, вот только без травм у них, скорее всего, не получится.

Однако уже было ясно, что уговаривать их обойтись без драки, не было смысла. Особенно после того, как бритоголовый вдруг решил, что справится со мной без каких-либо неприятных последствий.

Я действовал автоматически. Резко ушел в сторону от его размашистого удара, одновременно захватив его руку и проводя болевой прием. Парень с воем рухнул на колени, я тут же двинул его кулаком в ухо, отчего тот принял горизонтальное положение, изучая что-то на грязном асфальте.

В тот же момент двое других, спохватившись, рванули ко мне. Один из них попытался схватить меня за рубашку, но я провел захват и резко перекинул его через себя, отчего тот плашмя грохнулся на асфальт. Второй попытался ударить

меня ногой, но я легко отклонился, успел поймать его ногу в захват и рывком дернул на себя. Тот не удержал равновесие и с воплем упал на асфальт. Тут же получил коленом в нос. Для убедительности.

Все это заняло несколько секунд. Четвертый, худой и длинновязый, попытался схватить Лену за руку, но та тоже была не промах. Ткнула ему прямо в глаз, а затем резко подставила ему подножку. Гопник, не ожидая такого, полетел на асфальт пятой точкой.

Пятый же, видя такую картину, замер на месте, его пьяный кураж мгновенно испарился.

– Вы че, а? – пробормотал он, отступая. – Обалдели, а? Да я сейчас со всего района соберу друзей...

– Ты там рот, что ли, проветриваешь? – негромко, но с жесткой интонацией произнес я, наградив его полным уверенности взглядом. – Сейчас самое время свалить отсюда!

Видимо, он принял верное решение, потому что тут же развернулся и бросился наутек. За ним, поднимаясь и ругаясь, поплелись и остальные. «Бритоголовый» прихрамывал, прижимая к себе вывернутую руку. А мы, спокойно продолжили свой путь.

Девушка тяжело и взволнованно дышала, ее глаза горели. Сердце колотилось в груди.

– Все в порядке? – спросил я, подходя к ней.

– Да. Как ты их так раскидал?

– Молодец, – я обнял ее. – Настоящая жена офицера. Да

чего их раскидывать, они же пьяные были. Сами на асфальт и попадали.

Мы не придали этому случаю большого значения, да и зачем? Мало ли таких случаев. Просто еще один мимолетный эпизод, подтверждающий, что мирная жизнь – понятие относительное. Всегда, во все времена находился кто-то, кто завидовал чужому счастью, особенно, когда своего не было. Обычная история, особенно в девяностых годах.

Отпуск подошел к концу с неумолимой скоростью. Настал день, когда я снова надел форму и поцеловал Лену на перроне вокзала.

– Скоро вернусь, – пообещал я, глядя в ее влажные от грусти глаза. – Не переживай, я оставлю тебе номер телефона моего командира. Даже если я сам ответить не смогу, он тебе не откажет.

– Хорошо. Береги себя, – прошептала она, сжимая мои руки.

Поезд тронулся, увозя меня в Ташкент, к моей другой жизни. Правда, по пути, наверняка придется делать пересадки.

Та старая дача на окраине города, где я впервые узнал о том, что за мной охотятся наемники Калугина, почти не изменилась. Только подростковую траву вокруг подстригли, и в воздухе витал знакомый запах пыли и цветущих деревьев. Внутри меня ждала моя группа «Зет». Шут, Смирнов, Самарин, Герц, Док... – все были на месте. В глазах читалась

собранность, уверенность, возвращение в рабочую струю.

– Ну, жених, отгулял? – встретил меня Паша Корнеев, но в его улыбке не было прежнего балагурства. Все еще винил себя за тот случай, на свадьбе.

– Отгулял, – кивнул я. – Теперь пора за работу. Что-то важное за время моего отсутствия было?

– Об этом позже. Кэп звонил, говорил, что они с Хоревым приедут. У полковника есть для нас что-то важное.

И верно. Уже к вечеру на дачу прибыли майор Игнатьев и полковник Хорев. Вид у них был серьезный, деловой. Мы собрались в самой большой комнате, где на столе уже лежали подготовленные заранее карты.

– Так, во-первых... Максим, еще раз с прошедшей свадьбой тебя! – начал полковник Хорев, обводя нас взглядом. – Во-вторых, много чего изменилось. Естественно, ничего не афишируется, но вам я могу рассказать. Расследование в отношении Калугина и его подельников еще не завершено, но уже выявило серьезнейшие системные проблемы. Прогнивших – до самого верха. Многие партийные работники, что были замешаны в аферах генералов КГБ, уже сняты с должностей, ждут суда. Но это только верхушка айсберга.

Игнатьев мрачно кивнул.

– Холодная война затянулась. От нее устали все, особенно советский народ. Наверху, наконец-то, это поняли. Партийные чиновники, десятилетиями нацеливавшиеся на предательское взаимодействие с Западом, начали терять власть и

влияние. Руководство страны взяло курс на изменение экономики, на открытость.

– О, как! – не сдержался я. – Давно пора!

– Генеральный секретарь, товарищ Горбачев объявил о начале разработки большого проекта, – не став комментировать мои слова, продолжил Хорев, – Пока мало кто понимает, как все это будет проходить, но уже сейчас можно сказать, что у союзных республик будет больше самостоятельности. Это историческое решение. Но все это – большая политика, которая для нас малопонятна. Поэтому поговорим о дальнейшей службе нашего подразделения.

Он аккуратно развернул карту Афганистана.

– Последняя серьезная угроза в регионе – тот самый оппозиционный генерал Хасан. Он по-прежнему скрывается где-то в горах Пакистана и продолжает «давить» на правительственные силы ДРА. Не секрет, что он оправился от прошлых ударов, собрал под своим началом остатки оппозиционных отрядов, а также собрал банду наемников из Пакистана и других стран Ближнего Востока. Пока он жив, спокойствия в приграничных районах не будет. Американцы прекратили финансовую поддержку Хасана, но этого недостаточно. Он по-прежнему представляет угрозу для советских интересов в том регионе. Полноценная операция ни к чему не привела, только шума навели, а результатов почти нет. Не буду зря много говорить, его нужно ликвидировать!

Я слушал, чувствуя, как знакомое, тяжелое, холодное чув-

ство обязанности снова ложится на плечи. Да, теперь отдых точно закончился.

– В самое ближайшее время будет реализована операция «Питон», – четко произнес Игнатьев, продолжая начатое полковником. – Цель – ликвидация генерала Хасана. Группа «Зет» будет принимать в этом прямое участие, совместно с афганским ХАД.

Шут даже в лице изменился. Наверное, о Лейле вспомнил. Вот же бабник, на свадьбе со Светой кутил, а теперь снова переключился.

– Но это не все, – Хорев обвел всех нас внимательным взглядом. – Командование в Москве, в лице генерал-полковника Волкова намерено поменять формат группы и ее состав. Опыт последних месяцев, а также всех операций, где вы принимали непосредственное участие, показал, что действовать разрозненными, малочисленными группами не всегда эффективно против такой скоординированной угрозы. Нужны новые принципы. Именно поэтому, в самом ближайшем будущем группа «Зет» будет усилена, переобучена и войдет в состав недавно сформированного спецотдела ГРУ СССР. Вам дадут дополнительных специалистов. Вы получите новый статус и новое оснащение. Думаю, не ошибусь, если скажу, что вы будете не просто группой, а особым мобильным спецподразделением, способным решать задачи любой сложности. Но костяк группы, ее ядро – останется прежним. Это вы. И в связи с этим, лейтенанту Громову досрочно при-

сваивается звание старшего лейтенанта!

В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь жужжанием мухи, бившейся об оконное стекло. Мы переглянулись.

– О-о! Вот это правильно! – первым произнес Самарин. Остальные довольно загудели.

– Это еще не все! – терпеливо продолжил полковник Хорев, когда стало чуть тише. – Я подготовил рапорт на присвоение очередных воинских званий для всех вас!

Глава 4. Подготовка

Новость, конечно же, была воспринята с энтузиазмом. Полковник Хорев, выдержав паузу, продолжил.

– Ваши представления мной уже подписаны и три дня назад ушли в Москву. Присвоение – вопрос двух-трех недель. Однако хочу заметить, что теперь не будет торжественных парадов, построений на строевом плацу, приуроченных к какому-либо значимым датам. Нет. Отныне все награждения, вручения званий и прочие моменты будут проходить без лишнего шума, в закрытой обстановке. Думаю, не стоит объяснять, почему так?

Это понимали все. Группа «Зет» уже не единожды нашу-мела, особенно в крайнем задании. А что касается меня – так лучше промолчать. В свои годы я уже получил все то, чего нет у многих полковников. Лишний раз светить имеющимися наградами направо и налево не просто не имело смысла, а даже было чревато последствиями. Несмотря на то, что все расследования по делу Калугина шли в закрытом порядке, все равно были утечки и многие в Комитете знали, чье вмешательство стало решающим. И это нравилось не всем. Поэтому решение Хорева вполне логично – незачем все выставлять напоказ, лишний пафос ни к чему.

– Хорошо. Погонны вам вручат по мере поступления приказов, в рабочей обстановке. Повторюсь, лишнее внимание,

с учётом намечающихся перспектив, вам теперь ни к чему.

Меня такое положение вещей устраивало даже больше. И так уже достаточно внимания к себе привлёк. Лучше, если я и остальная группа будем работать тихо. Шум утихнет, про нас забудут. Служба будет идти дальше.

– Громов, начнем новую традицию с тебя. В общем, как генерал-полковник Волков тебе и обещал... – продолжил полковник Хорев, посмотрев на меня, затем на Кэпа.

Игнатьев кивнул и, выудив из дипломата небольшую коробочку, внутри которой лежали единственные погоны с тремя маленькими звездочками старшего лейтенанта. Извлек их оттуда.

– Максим, – майор взял погоны и протянул их мне. Церемонии не было. Не было строя, торжественных речей и аплодисментов. Было лишь несколько пар глаз товарищей, видевших меня в деле, знающих и понимающих, что это вовсе не награда, а увеличение груза ответственности. – Поздравляю. Носи с честью.

– Служу Советскому Союзу! – четко ответил я, принимая погоны. Их металлические звездочки были холодными на ощупь.

По лицам ребят пробежала волна удовлетворения. Не было ни зависти, ни разочарования, ни возмущений – только понимание, радость за все подразделение сразу.

– Поздравляю, старлей, – первым произнес Шут, сжимая мою руку в своей цепкой, жилистой лапе. Его ухмылка стала

чуть шире. — Ну, теперь-то уж точно нужно заварить кашу похлеще, под стать новым погонам!

— Спасибо, Паша, — кивнул я. — Но давай как-нибудь без каши обойдемся?!

— Договорились! — улыбнулся он. — Ну, это дело нужно отметить? Док, организуем?

— Не вопрос! — отозвался тот, бросив взгляд на отца. Тот едва заметно кивнул.

После этого мы немного посидели, покушали. Полковник Хорев почти сразу убыл, а Кэп остался.

От него-то мы узнали, что бежавший генерал-майор Калугин, временно спрятался в Италии. Конечно же, чекист понимал, что для него в Союзе все кончено. И он так же понимал, что его просто так в покое не оставят — слишком многое он знал, а это само по себе нехорошо. Секреты государства должны оставаться в государстве, причем под охраной надежных людей, а не всякой шушеры.

— И что ГРУ намерено с ним делать? — осторожно спросил я у майора.

— Пока ничего. Пусть выдохнет. Калугин сейчас трясется за свою шкуру, а потому даже носа высовывать не будет. Пройдет совсем немного времени и его вопрос будет решен в тот самый момент, когда он меньше всего будет этого ждать. Про таких не забывают. История знает массу примеров.

Ну да, а были и примеры, что забывали. Намеренно.

На этом наш разговор завершился.

Мы так и находились на даче, ожидая дальнейших действий. Ожидание выматывало, поэтому чтобы скрасить время, мы занялись поддержкой физической формы. Бегали, в основном. Или плавали. Жара в этом регионе, конечно, стояла просто невыносимая, но мы давно привыкли ко всему, даже к самым экстремальным тяготам военной службы.

Следующим этапом, уже ближе к середине июня 1987 года, стала военно-врачебная комиссия в московском окружном военном госпитале. После жаркого, пыльного Ташкента стерильные, пропахшие хлоркой и лекарствами коридоры показались обителью из другого мира. Все чистое, новенькое, покрашенное. Все здесь отличалось от госпиталей Афгана и южной части Союза. Контингент здесь был соответствующий – в основном, тыловики, «пиджаки» и штабные работники с бледными лицами и хорошо обозначившимися животами. В общем, кабинетные войска, как их в шутку называют те, кто прошел через боевые действия.

Наша же команда совсем из другого теста. Поджарые, крепкие, загорелые, с пронзительными, постоянно анализирующими взглядами – на фоне остальных мы, естественно, выделялись, а потому на нас и косились с любопытством и легкой опаской.

Прохождение врачей ВВК напоминало странный, местами комичный квест. Терапевт, уже немолодой майор с уставшими глазами, тыкал мне в грудь холодным стетоскопом, заставлял дышать, задерживать дыхание. Причем возился он

со мной долго, основательно и со всех сторон.

– О! Сердце, как часы работает, – бормотал он удивленно. – И давление на уровне, сто двадцать на восемьдесят. Для твоего роста и комплекции нормально, но могло бы быть и повыше. Странно. Спишь сколько?

– Как получится, товарищ майор, – честно ответил я. – Бывает нормально, а бывает и не нормально!

– Понятно, – вздохнул он, делая пометку в карте. – Если жалоб нет, то годен без ограничений.

Хирург, коренастый подполковник с руками боксера, с интересом разглядывал мои многочисленные шрамы – сувениры из Афгана.

– Аппендицит?

– Спасибо, но не нужно! – слегка улыбнувшись, пошутил я. Затем добавил. – Нас и так неплохо кормят!

– Юморист? Так, смотрю у тебя в торс ни одного ранения? Везучий ты, Громов. Ага, осколочное, зажило... – он осматривал меня так, словно читал карту. – Жалобы есть? Может, беспокоит что-то?

– Жалобы отсутствуют, товарищ подполковник.

– Вижу, – хмыкнул он. – Годен. Следующий!

После меня зашел Самарин, который чуть горшок с фикусом не перевернул, когда увидел врача. Он почему-то решил, что это стоматолог.

Окулист, хрупкая женщина в очках с толстыми линзами, заставила меня читать нижнюю строчку на таблице.

– ШБ... МНК... – зевая, бубнил я. Видел я все просто замечательно. Может, и не орлиный глаз, но суслика на бегу подстрелить смогу.

– Все, все, хватит, – остановила она. – Со зрением все в порядке. Годен.

Самым запоминающимся стали визиты к неврологу и, конечно же, психиатру.

У первого кабинет был тихий, у него пахло валерианой и старой бумагой. Невролог, женщина лет пятидесяти, с умными, проницательными глазами, заставила проделать меня кучу упражнений, которые я проделывал уже не один десяток раз – пройти по прямой с закрытыми глазами, дотронуться указательным пальцем до кончика носа, постоять в позе Ромберга. Я выполнял всё автоматически, тело само помнило нужные движения. Потом она попросила сесть и взяла моё запястье.

– Расслабьте руку полностью, – сказала она спокойно.

Я попытался, но мышцы предплечья все равно оставались твердыми, будто стальной трос.

– Полностью расслабьте, – настаивала она, нажимая сильнее.

– Я расслаблен, – честно ответил я. – Стараюсь, но они не хотят!

Она посмотрела на меня внимательно, затем перешла к осмотру плеч, спины, бедер. Её пальцы нажимали на точки, где мышцы были особенно напряжены.

– Гипертонус. Выраженный, диффузный. По всему мышечному корсету, – заключила она, откладывая неврологический молоточек. Её лицо стало серьезным. – Это не норма, старший лейтенант. Это классическая картина хронического, запредельного нервного напряжения. Ваш организм постоянно находится на взводе, как сжатая пружина. Так долго продолжаться не может. Рано или поздно, либо пружина лопнет – будет невроз, срыв, либо сорвёт механизм – заработаете язву желудка, проблемы с сердцем. Вам категорически необходим курс физиотерапии. Массаж, отдых. Плавание в бассейне порекомендовала бы, но чувствую, что вы у нас ненадолго. Важно научиться снимать это напряжение, контролировать его. Со временем, если все делать правильно, оно восстановится. Я внесу рекомендацию в вашу карту.

– Понял, товарищ капитан медицинской службы, – кивнул я, прекрасно понимая, что ни на какой массаж в ближайшие месяцы времени не найдется. Боевые операции ждать не будут, а мое тело при этом было инструментом. Пока оно слушалось и било врага, о его «настройке» можно было не беспокоиться. Конечно, относиться к своему здоровью халатно никак нельзя, особенно с нашим-то образом жизни... но пока молодой, последствия будут маскироваться. А вот как за тридцать перевалит, так и полезут первые признаки, что организм не в порядке.

Знал я и то, что в моем личном деле уже есть подобные

записи. Игнатьев как-то проронил: «У всех, кто всерьез вовел, там одно и то же. У меня то же самое».

В конце концов, комиссия вынесла вердикт: «Годен без ограничений». Заключение невролога ушло в папку рекомендацией, которую все, включая меня, благополучно проигнорировали.

Когда же дошло дело до психиатра, относительно молодой женщины, я даже повеселился. Вспомнил, как было на призывном пункте. На вид ей было лет тридцать, но выражение лица у нее было какое-то замученное. Окинув меня задумчивым взглядом, она спросила:

– Вы знаете, кто я?

– Конечно. Вы психолог.

– А что это значит? Своими словами можете объяснить?

– Могу... – кивнул я, затем подумав, усмехнулся и добавил. – Вы специалист по связям с реальностью!

Она едва не подавилась. Такого ответа она точно еще не слышала.

– Ну, хорошо... Голоса слышите в голове?

– Нет.

– Угу. А скажите, вот вы боевой офицер, прошли через Афганистан. На вас все это не давит?

– Нет, не давит, – ответил я, затем уже сам задал вопрос. – Я просто не задерживаю в себе все это, иначе бы давно крыша поехала. Я понимаю, вы пытаетесь понять, нормальный ли и все ли у меня в порядке с головой? Стоит ли мне про-

должать службу и все такое, да?

Женщина посмотрела на меня внимательным взглядом.

– А скажите, что такое труба? – спросил я, едва сдерживая смех. Слышал я такой юмор, только еще в прошлой жизни.

– Вы мне вопросов задали больше, чем я вам. Я тут врач, вообще-то.

– Знаю, но все-таки ответьте на вопрос.

Та вздохнула. Задумалась. И не смогла ответить.

– Ну, это металлическая... – она даже жестикулировать начала. – Трубка. Труба.

– Труба, это дырка в воздухе обернутая металлом! – смеясь, ответил я на свой же вопрос.

Она застыла от изумления, затем молча сделала в моей медицинской книжке запись и бахнула туда печать.

– Годен. Вы свободны.

Кажется, она надолго запомнит такого пациента. А вообще, я всегда придерживался мнения, что у психологов есть свои психологи. Чтобы напряжение сбрасывать.

Сразу после комиссии нашу группу «Зет» в полном составе погрузили в военно-транспортный Ил-76 и отправили в Мары Туркменской ССР. Долетели без проблем, большую часть пути все спали.

Как же я удивился, что специальный центр, где мы должны были проходить переобучение, располагался как раз там, где я начинал свою срочную службу. Вернее, удивился не только я, но и Димка Самарин. Мы же оба начинали отсю-

да. Оказалось, что больше года назад часть расформировали, а всю территорию передали под нужды ГРУ! За прошедшее время тут многое изменилось, но было готово только два объекта из шести запланированных. Тем не менее, центр уже работал.

Теперь за высоким забором с колючкой и вышками скрывалось новое заведение. Это была не учебка – это была настоящая кузница, где перековывали уже готовых бойцов. Три недели усиленной, специализированной переподготовки.

Дни слились в череду изматывающих до седьмого пота тренировок. Утро начиналось с кросса в полной выкладке по раскаленным, как сковорода, пескам. Потом – стрельбы. Не просто по мишеням, а в специально построенном «городке» – лабиринте из бетонных коробок, имитирующих дувалы, узкие улочки и низкие глинобитные дома. Нас учили штурмовать здания, вести бой в замкнутом пространстве, где каждый угол, каждый проем, каждое окно – потенциальная смерть. Отрабатывали взаимодействие в паре, в четверке, в полной группе. Скорость, точность, взаимовыручка.

Это не походило на то, чему нас учили ранее. Создавалось впечатление, что здесь готовят к работе в городских условиях, причем с акцентом на скрытность.

Инструкторы – угрюмые, молчаливые мужики с лицами, на которых намертво впечаталась усталость от вида крови и пороховой гари – гоняли нас без поблажек. Само собой, они не знали, кто мы такие. Для них – мы точно такие же

курсанты, как и все остальные. Ни больше, ни меньше. И это хорошо.

Работа со взрывчаткой стала отдельным адом. Мы не только подрывали, но и часами учились обезвреживать самодельные устройства, которые эти мрачные гении с извращенной фантазией составляли из палок, камней, деталей от часов и тротильных шашек. Шут был тут в своей стихии, его бесшабашное выражение лица здесь становилось сосредоточенным, как у хирургов за сложной операцией. Видно было, что даже ему интересно, несмотря на имеющийся опыт. Впрочем, Корнеев на боевых выходах давно уже ничего не взрывал.

Именно на стрельбище произошло еще одно важное событие. К нам подошел начальник полигона, подполковник, и, вызвав меня, произнес:

– По отдельному распоряжению, – коротко бросил он. – Получаете новое вооружение!

За ним уже стоял стол, на котором лежали новые образцы стрелкового оружия.

Для Шута, нашего снайпера, в отдельном, обитом поролоном футляре лежала снайперская винтовка. Но это была не серийная СВД. Ствол был массивнее, но чуть короче. Деревянный приклад регулируемый, с щекой, на цевье – планка Пикатинни для крепления различных прицелов. Увеличенный магазин. Винтовка пахла свежей смазкой и дорогой сталью.

– Снайперская винтовка Драгунова, модернизированная, – пояснил подполковник. – Штатный оптический прицел заменен на более новый, пока еще не серийный. Кучность стрельбы стала повыше, отдача меньше. Осваивай, стрелок.

Шут взял винтовку с почти религиозным благоговением, приложился к прикладу, посмотрел в прицел.

– О-хо-хо... – выдохнул он с наслаждением. – Красавица... ну, сейчас постреляем!

Для остальных – Смирнова, Самарина, Герца, Дока и для меня – в ящиках лежали новые автоматы. Не АК-74, к которым мы все давно привыкли, а совсем другие. Компактные, почти квадратные, с интегрированным глушителем и пламегасителем. Конечно же, я сразу узнал их. Даже в этом времени я уже видел один такой у Матвеевича, друга полковника Хорева.

Подполковник кратко описал, что за стволы лежали перед нами.

– Это новые, недавно прошедшие госиспытания автоматы «Вал», под новый калибр 9×39 мм, с мощными дозвуковыми патронами, способными пробивать бронежилеты на коротких дистанциях. Это оружие для ближнего, внезапного и тихого боя. Эффективная дальность до двухсот метров, рабочая – до четырехсот. Согласен, в этом плане Калашников, эффективнее. Но, много говорить не буду... Все преимущества и возможные минусы вы сами выявите.

Мы с интересом разбирали новинки. Автомат был необычайно тяжелым в передней части из-за глушителя, но легким в прикладе. Приклад складывался набок, что делало оружие очень компактным. Смирнов, наш мастер на все руки, тут же принялся его изучать, попытался разобрать.

– Ничего себе зверь... – пробормотал он, щелкая затвором. – Тихий, но мощный. Для города – то, что надо.

Мы потратили несколько дней на то, чтобы привыкнуть к новому оружию. Стрельбы из «Вала» были почти бесшумными, лишь сухой, механический щелчок затвора и хлопок, похожий на лопнувший воздушный шарик. Отдача была мягкой, но убойная сила патрона не вызывала сомнений. Шут отстреливал свою новую СВД, доводя до идеала пристрелку, и с каждым выстрелом его ухмылка становилась все довольнее. Корнееву оружие понравилось.

Но самое неожиданное открытие ждало нас впереди. Примерно через две недели после начала курса переподготовки, сюда прилетел майор Игнатьев.

– Ну что, мужики... – довольно произнес он, пожимая нам руки. – Как успехи?

– Все нормально, Кэп! – отозвался Шут. – Работаем!

– Это хорошо, я другого и не ожидал. А у меня для вас новости. Нашу группу расширяют до десяти человек.

Первым появился капитан в летной форме. Невысокий, жилистый, с небрежной щетиной и спокойными, внимательными глазами пилота, видевшими небо и землю одновремен-

но. Он представился коротко, пожал всем руки крепкой, мо-
золистой ладонью. Видно было, что свое дело знал мастер-
ски.

– Ну, знакомьтесь. Капитан Дорин, Михаил. Командир
вертолета Ми-24, прошел Афган, летал в Сирии. Один из
лучших. Почти тысяча боевых вылетов. Между прочим, три-
жды уходил из-под обстрела теми самыми ПЗРК «Стингер».
Он вместе со своим экипажем закрепляется за вашим под-
разделением. Правда, транспорт у вас теперь будет модерни-
зированный Ми-8, а не «двадцать четвертый».

– Да ладно! Это что, у группы «Зет» теперь будет свой
собственный вертолет? – искренне восхитился Паша. – Кру-
то!

– Не свой собственный, а казенный. Доставить куда или
забрать, прикрыть огнем, – сказал он с легкой улыбкой, огля-
дывая нашу компанию. – Это все ко мне. Только, чур, без
дыр в фюзеляже, хорошо? Наш Ми-8МТВ-3 недавно с заво-
да, краска еще не высохла.

Мы переглянулись. Смирнов хмыкнул:

– Постараемся. Только ты нас на землю не урони, хорошо?

Дорин лишь кивнул, и в его глазах мелькнула та самая,
понятная нам всем искорка – смесь уверенности и готовно-
сти к любым сюрпризам. С ним было сразу ясно – свой, про-
жженный. Такого в воздухе мало что может удивить.

Следом был лейтенант Дамиров, переводчик. Крепкий,
невысокий, с внимательным, даже интеллигентным взгля-

дом. Спортсмен. На вид – ему явно за тридцать. Имел при себе рюкзак, где я разглядел книги. Он свободно говорил на дари, пушту, урду и еще паре наречий, о которых я только слышал. А помимо этого знал немецкий и английский языки. Ранее, до войны, был в Пакистане. Это весьма достойная замена для прапорщика Иванова, что когда-то был нашим товарищем.

– За контакты с местными отвечать буду, – коротко пояснил он, поправляя очки. – И за то, чтобы вас, товарищи, не обменяли на баранов по недоразумению. Или не продали за бесценок.

Шут, Корнеев, тут же решил его «протестировать».

– А как по-пакистански «давай, быстро, водку и женщин»? – с притворной серьезностью поинтересовался он, подмигнув Самарину.

Дамиров посмотрел на него сухим, профессорским взглядом.

– Примерно так... веди нас, о великий и нетерпеливый воин, к своему командиру, иначе твоя печень станет ужином для шакалов, а твои немудрые желания останутся при тебе, – невозмутимо ответил он. – Хочешь, научу правильному этикету? Пригодится.

Шут, явно ожидая другого, сконфузился, а Герц не сдержался и фыркнул. Лед был сломан. Было видно, что за внешностью кабинетного работника скрывается стальной стержень.

Затем Игнатьев представил следующего участника. Им был старший сержант Ромов. Звали его Дмитрий. И он был талантливым кинологом. Свою работу знал на сто двадцать процентов. Правда, не совсем понятно, зачем в нашем подразделении специалист по работе со служебными собаками, но этот вопрос никого не смущал. Раз прислали, значит, так было нужно.

Последним прибыл прапорщик Гуров, топограф. Звали его Валера. Молчаливый, с каменным лицом. Невозмутимый, как скала. С огромным тубусом под мышкой, и, не тратя времени на пустые разговоры, разложил на столе в казарме карты южной части Афганистана и Пакистана. Его пальцы, обращались с хрупкой калькой и остро заточенными карандашами с ювелирной точностью и ловкостью.

– Я тут за рельеф и навигацию, – буркнул он, протягивая мне свою ладонь, похожую на кусок наждачной бумаги. – Заблудимся – можно винить меня. Не заблудимся – можете не благодарить.

– Ну, вот и познакомились! – подвел итог майор. – Командир группы – старший лейтенант Громов, думаю, представлять его не нужно. Основной костяк группы – по-прежнему ударная сила. Остальные, кроме Дорина, скорее, штабной состав. Но не сомневайтесь, каждый из них, при необходимости стреляет, взрывает, бежит, и не задает лишних вопросов.

– Договорились, – кивнул я, чувствуя, как группа обраста-

ет новыми, специфичными, но крайне необходимыми мышцами. Летчик, лингвист, топограф – теперь мы были не просто разведгруппой, мы становились самостоятельным разведывательно-диверсионным подразделением, которое впереди выполнит еще много добрых дел на благо Советского Союза.

Вечером, после отбоя, мы сидели на пороге казармы. Болтали, травили анекдоты. Новые ребята постепенно вливались в наш неформальный круг. Дорин, размягчившись, рассказывал Смирнову об особенностях пилотирования Ми-24 в горных ущельях при сильном ветре. Дамиров, ко всеобщему удивлению, цитировал на память не только персидские стихи, но и Есенина, а иногда упоминал и Хемингуэя. Прапорщик Гуров, молча и сосредоточенно, чистил свой идеально отлаженный армейский компас.

Шут не выпускал из рук свою новую СВД, вытирая излишки масла. Прикипел к новой винтовке.

Было видно, что парни – профессионалы своего дела. Полковник Хорев лично отбирал.

Предстоящая операция «Питон» должна была сплотить нас окончательно, проверить на прочность...

Глава 5. Контрольные «скачки»

Приближался июль. Тренировки в центре продолжались.

Учитывая здешний климат, бывало, что столбик термометра иногда поднимался до плюс сорока пяти градусов. А последние дни выдались особенно жаркими, даже по местным меркам. Ветра практически не было – по ночам духота.

Единственный вентилятор в нашем спальном помещении работал на износ, а про кондиционеры само собой тогда и речи еще не было.

Мы пахали, как кони.

Инструкторы, словно решив, что мы еще недостаточно вымотаны, гоняли нас по полной программе. Но группа «Зет», усиленная новыми специалистами, уже была не просто сборной командой, а единым организмом. Разумеется, сработались мы не сразу. Пришлось притираться. Хоть полковник Хорев и отбирал лучших из лучших, но по физической подготовке парни все равно до нас заметно недотягивали. Но, что ни говори, а интенсивные тренировки более-менее сравнивали эти шероховатости и на марш-бросках мы с каждым днем держались кучнее.

Помимо общей подготовки, отрабатывались и конкретные задачи. Капитан Дорин со своим экипажем отрабатывал точечные посадки в сложнейших условиях, а прапорщик Гуров на глазах у изумленных инструкторов за полчаса в са-

мых сложных условиях прокладывал такие маршруты, на которые у других уходили часы. Причем он точно определял, где можно пройти пешком, а где нет, и лучше даже не пытаться. Прапорщик все время был молчаливым, сосредоточенным на деле. Ответы у него были односложными, но это всех устраивало. Кроме болтливого Шута.

В процессе обучения выяснилось, что Дима Ромов прибыл сюда не один, а со своей верной помощницей, которую звали Найда. Собака была редкой породы, выведенной в СССР – черный русский терьер. Животное отличалось невероятным терпением, спокойствием и послушанием. Лишний раз без причины не тявкнет... В общем, очень умная и дружелюбная. Разве что говорить не могла. А все команды кинолога Найда выполняла послушно, словно четвероногий робот. Самарину она очень понравилась, да и в целом они с Ромовым быстро нашли общий язык.

Что касается нашего переводчика, то лейтенант Дамиров, словно бы и сам был из этих мест, поэтому жаркий климат его совершенно никак не смущал. Жарко, ну и ладно. Не смертельно. А вот тяжелые и изнурительные марш-броски по пересеченной местности давались ему непросто, но он ни разу не жаловался. В силу невысокого роста, он отставал чаще других, но зато на коротких дистанциях шел первым. Но ведь у него и специальность иная.

Вообще, конечно, ребятам из пополнения необязательно было бегать с нами по горам и отстреливаться – у них больше

штабная работа. А поскольку передвижным штабом сейчас являлся наш новенький Ми-8МТВ-3, то некоторые тренировки они пропускали и часть времени проводили там. Такой порядок вещей всех устраивал.

Герц, после лечения в госпитале, прошел недельный курс переподготовки по связному делу. По окончании, ему выдали новую, специальную радиостанцию, куда более легкую и практичную, чем общевойсковая Р-159. С ней-то он теперь и таскался.

– Ох и денек! – выдохнул он, когда мы намотали десять километров бега по пересеченной местности в полной выкладке. – Мне кажется, я похудел килограмм на пять!

– Сбросил то, что в госпитале наел! – усмехнулся Корнеев. – Что, жирубики на пузе, да?

– У меня и пуза-то нет. А жирубики – это что-то новенькое. Надо запомнить.

Само собой, лексикон Корнеев втайне пополнял по большей части от меня. Я нет-нет, да выкидывал иногда какую-нибудь остроумную фразу из будущего, а тот был тут как тут.

– И что, это вы уже второй раз подобное обучение проходите? – спросил Дамиров.

– Первый раз было сложнее, но там хотя бы жара так не донимала. Если подумать, это только тренировки! – отозвался Шут. – Вот в Афганистане нам приходилось куда сложнее. Думать было некогда, там оценки не ставили, там просто

убивали, если влез не туда или головой не подумал. Сколько было таких моментов, при которых мы могли бы не вернуться обратно, а? Каждый из нас был ранен не единожды. К счастью, по большей части легко. А еще потому, что у нас медик толковый.

Док на эти слова реагировал ровно так, как и всегда – мол, это моя работа штопать товарищей, когда у них слишком много ненужных дыр появлялось. Кто, если не я?!

Меня, как командира группы, новые бойцы приняли без возражений. Знали, кто я такой и через что уже довелось пройти. Если я давал команду, ее исполняли беспрекословно. Даже Дорин, хотя и был в звании капитана, подчинялся напрямую без всяких вопросов.

Так прошла еще неделя. Игнатьев обрадовал нас, что скоро тренировки заканчиваются. Между делом я узнал, что операция «Питон», что разрабатывалась совместно с ХАД, уже была на финальной стадии.

– Группа, внимание! – устало произнес Кэп, окинув нас хмурым взглядом. – Я понимаю, что вы тут все чуть ли не профессионалы своего дела! Но это вовсе не пионерский лагерь! Командование свыше уже приняло по вам решение, но обучение не закончено. Через пару дней у вас будут контрольные «скачки». Помните, да, что это значит?

Еще бы. Все помнили. По крайней мере, уж старый состав точно.

Два дня пролетели махом. Своим традициям командова-

ние учебного центра не изменяло.

В целом, нужно было закрепить все то, что мы вспоминали и повторяли. Оригинальностью контрольное задание не отличалось, все по накатанной. Ранним утром, еще по темноте, в полной выкладке и с оружием в руках, мы погрузились на борт капитана Дорина. Зависший над «бетонкой» вертолет, пахнувший изнутри свежей краской и заводом, уверенно поднялся в предрассветное туркменское небо и взял курс на юг.

– Ну что, пассажиры, пристегните ремни покрепче, – раздался в шлемофоне спокойный голос Дорина. – Лететь будем низко, но комфортно. Постараюсь не качать. Обилечиваемся самостоятельно, но если что, то я люблю шоколад.

Сразу же послышался смех.

Шут недовольно хмыкнул. Конкуренты ему были не нужны.

Стоит отметить один любопытный факт. Старший инструктор, однокашник Кэпа, придумал новую вводную, которую, естественно, решили опробовать на нас. Конечно, мне такие эксперименты были не по душе, но решение уже было принято сверху.

Рюкзаки со снаряжением упаковывались не нами. То есть, непосредственно перед вылетом, мы получили уже готовые комплекты. Не зная, что внутри. То же касалось и оружия – оно было в плотных чехлах.

– Проверите по прибытии! – усмехнулся старший ин-

структор. – Это для того, чтобы вы учились импровизировать в любой ситуации, невзирая на то, какая обстановка. Дам бесплатный совет. Внутри вы можете найти вещи, которые могут показаться бесполезными. Но это не так. Донесите их до цели. Это пойдет вам в качестве дополнительных баллов.

– Ну и зачем? – хмыкнул Шут. – Мы и раньше импровизировали буквально на ходу. Вон, Гром вообще мастер по импровизации. Все на ходу, все спонтанно. Анализ – действие. Ничего лишнего.

– Таковы условия задания! Есть возражения?

Естественно, их не возникло. Инструктора это устроило.

Путь в вертолете занял чуть менее часа. Когда внизу проплыла и закончилась равнина Туркменской ССР и начались изрезанные ущелья Северного Афганистана, в салоне воцарилась напряженная тишина, прерываемая лишь ровным гудением двигателей.

– Приготовиться к высадке, – предупредил Дорин по внутренней связи. – Садимся буквально на пару минут. Тихо, быстро. Сопли не жуем, смотрим в оба. Мало ли что нам подготовили.

Я разделял его точку зрения. Нам не просто так определили именно эту точку посадки и квадрат для работы. Впрочем, я допускал и тот факт, что на самом деле это пустышка, все сделано для того, чтобы мы нацелили свое внимание не в то русло.

Вертолет, снизив обороты двигателя, завис над небольшим каменистым плато, затерянным среди нагромождений гор. Прихватив свои вещи, мы выпрыгнули в облако пыли, поднятое винтами.

Дорин пожелал удачи, затем вертушка сделала прощальный вираж, а после растворилась в рассветных сумерках, оставив нас в тишине афганских гор. И нужно признать, здесь, действительно, было как-то слишком тихо.

Задача была максимально простой и четкой: за сорок восемь часов пройти около двадцати пяти километров по сложному маршруту, который еще нужно было проложить, до условного «подставного» кишлака у советско-иранской границы, а там тихо ликвидировать «цель» – опытного офицера, игравшего роль полевого командира. А затем выбраться оттуда и успеть вернуться к обозначенной отдельно точке эвакуации. Само собой, все упиралось во время. Если Михаил Дорин прилетит, а нас там не окажется, то все – считай, контрольные «скачки» мы провалили. Двойку за это не поставят, но все равно, портить себе репутацию было бы неприятно.

– Валера, мне нужен наиболее быстрый маршрут до точки! – я посмотрел на Гурова.

– Работаю!

– Остальные, рассредоточиться. Осмотреть периметр. Закрепиться. Смотрим в оба.

Прапорщик, отыскав небольшую ложбину, сначала рас-

стелил там карту на плоском камне, а затем при свете карманного фонаря внимательно изучил квадрат. Он определил пару маршрутов, затем предложил мне их на согласование. Выбрав оптимальный, мы выдвинулись по едва заметным тропам. Как я уже говорил, карты у него были не простые, а старые, испещренные кучами карандашных пометок, указаниями высот и низин, набросков и прочего рукотворного вмешательства. Шут, заглянув через плечо, только фыркнул.

Ранее, когда состав группы у нас был иной, с картами и прокладкой маршрута приходилось работать либо мне, либо Кэпу. Урду еще участвовал. Теперь эта обязанность лежала на конкретном человеке, который знал свое дело куда лучше, чем любой из нас.

Дамиров как-то пошутил над ним, что Гуров эти карты во сне сам рисовал, когда у мирных крестьян или торговцев оставался. С ними же по горам и бродил. Еще до войны. Разумеется, информацию он черпал только у тех, что были лояльны советскому режиму. Очевидно, что война надоела всем, а потому те ему много чего рассказали и показали. Да и в штабах гарнизонов, которые он посещал в качестве топографа, постоянно черпал знания, будто они были ему жизненно необходимыми. Более молодые коллеги считали его странным, называли его по-разному, но ему было абсолютно все равно.

Пока Гуров изучал карты, мы осматривали наши рюкзаки. Самарин недовольно хмыкнул. Ему из оружия попался

пистолет «Макаров», который в лапах здоровяка смотрелся детской игрушкой. С двумя холостыми патронами в обойме. В РД-54 была большая банка тушенки, сухари на один прием, сигнальный факел, фляга с водой, маскхалат, аптечка, большой моток веревки и бутылка шампуня «Ромашка».

– Нет, ну ладно остальное... – удивился он. – Но шампунь-то зачем?

– Чтобы мыться! – рассмеялся Шут. – Вдруг запачкаешься?

У остальных состав был примерно схожим. С незначительными вариациями. У Смирнова, вместо шампуня была книга, оружие – АКС-74 с одним неполным магазином. Патроны, кстати, тоже были холостыми. Они у всех оказались холостыми – ну, тут понятно почему. Учения же.

Собственно, по итогу получилось, что у нас пять Макаровых, три складных Калашниковых, два карабина СКС и дымовая граната. Из вещей, которые были ни к селу, ни к городу – большая банка с кофе, книга с детективами, молоток, пять аудиокассет, аккумулятор, радиоприемник, настольная лампа и упаковка туалетной бумаги.

– Ну?! И что это за сборная солянка?

– Сдается мне, что это часть нашего задания! – предположил Смирнов. – Через нас просто решили подкинуть парням в кишлаке предметы первой необходимости!

– Настольная лампа – предмет первой необходимости? – переспросил Корнеев.

– Армейская смекалка! – заметил Дамиров. – Слышал про такое?

– Ерунда какая-то! – недовольно отметил я. – Очевидно, что кто-то из инструкторов решил пошутить над нами. Ладно, раз так... Раз будут дополнительные баллы... берем это барахло с собой! Все это в одну «эрдэшку» не поместится, поэтому разложим по двум мешкам. Донесем, отдадим.

Выдвинулись мы быстро, времени зря терять не стали. Удивительно, но до обеда ничего значимого не произошло.

Шли цепочкой, смотрели в оба. Соблюдали дистанцию, каждый шаг был выверен. Ни местных жителей, ни торговцев по пути мы не заметили. Горы и хребты, ущелья, скалы поражали своей красотой и величием.

Невольно вспомнил, как был в этих местах в качестве военнопленного больше полутора лет назад. Тогда красота меня совершенно не интересовала – мысли совсем о другом были. Помнится, нас тогда коварно атаковали люди старика Иззатуллы, а я потом оттуда сбежал. А заодно прихватил и товарищей по несчастью. Собственно, так мы и познакомились с Пашей Корнеевым.

Иногда приходилось идти по таким местам, куда не каждый баран сунется. Но Гуров четко оценивал наши возможности и корректировал маршрут на ходу. Ближе к трем часам дня добрались до небольшого заброшенного кишлака, где остановились на перекур. Было очевидно, что здесь давно никого нет.

По времени мы укладывались с запасом. Тем более, что по словам топографа, точка эвакуации была недалеко от кишлака.

– Так, всем отдыхать! – распорядился я. – Десять минут. Затем перекусим.

Пищи у нас с собой было мало. С расчетом не на то, чтобы наестся, а чтобы поддерживать силы. И это обоснованно.

Разделили все имеющееся на три части – соответственно, три приема пищи. Костер разводить не стали, на таком солнце все и так было горячим. После перекуса, мы выдвинулись дальше.

И снова все было тихо. До вечера видели только большое стадо баранов, которых в небольшой долине пасли местные пастухи с ружьями за спинами. Прошли так, чтобы они нас не заметили. На всякий случай.

На краю небольшого ущелья пришлось спускаться вниз по веревкам. На это ушло достаточно много времени.

Наступил вечер, а мы все шли и шли. Вокруг снова ни души.

– Больше половины маршрута преодолели! – заметил я, сверившись с картой. – Но нужно подтянуть темп.

Примерно в десять вечера мы укрылись в глубокой расщелине, замаскировавшись под окружающие камни с помощью плащ-палаток. Ночью лезть по скалам было чревато проблемами, поэтому решили переждать. Нам предстояло пересидеть в укрытии, и именно тогда развернулось настоя-

щее представление.

Чтобы скоротать время и не заснуть, Шут, ехидным шепотом, чтобы звук не выходил за пределы нашего укрытия, спросил у Дамирова:

– Скажи, о мудрейший из лингвистов, как на дари будет «иду, ползу, камни коленки содрали, а до точки еще как до Луны»?

Дамиров, не моргнув глазом, так же тихо, но с идеальной дикцией, ответил:

– Буквально это звучало бы так: «Моему терпению, столь же безграничному, как эти горы, пришел конец, и колени мои взывают о пощаде». Но если говорить поэтически, то у Хафиза есть строфа...

– Ладно, ладно, с поэзией завязывай, – замахал руками Шут. – А как просто сказать: «Где тут поесть?» Ну, без того, чтобы меня приняли за шпиона?

– «Манзараи хурок дар кучост?» – мгновенно выдал Дамиров. Правда это было или нет, история умалчивала. – Но если ты так скажешь с твоим акцентом, тебя точно примут за шпиона. Лучше молчи и показывай пальцем.

В это время с другой стороны расщелины завязался свой разговор. Ромов, кинолог, тихо спросил у Самарина:

– Дим, а у тебя дома собака была?

Самарин, который обычно был немногословен, неожиданно оживился.

– Не, не было. Но я всегда мечтал о немецкой овчарке.

Умная, преданная. Знаешь, представляю, взял бы маленького щенка, обучил бы всяким штукам. Не только «фас» или «ищи», а чтобы пес мне настоящим напарником был. Чует опасность – предупредит, заблудишься – выведет. Мечта. Какая мне собака с такой службой?

Ромов одобрительно кивнул в темноте.

– Правильная мечта. Немец – это не просто собака, это друг. Ни одна электронная система так периметр не чувствует, как хорошая собака. Чутье не обмануть. Найду мою ты видел, да? О! А хочешь, я тебе щенка подберу? Где разместить – найдем!

– Ага, обязательно. Вы сейчас договоритесь, что Громов нам и, правда, пса в состав впишет, – тихо проворчал Смирнов. Вот он собак не любил.

Ночлег устроили прямо между камней, организовав дежурство по двое.

А рано утром, еще по темноте, быстро перекусив, мы продолжили путь. Маршрут лежал через извилистый перевал. Было еще темно. Идти приходилось осторожно, цепляясь за острые выступы скал и помогая друг другу на особо крутых участках. Ветер, свистевший в ущельях, заглушал наши шаги, но и маскировал любые посторонние звуки. Внезапно Гуров, шедший в голове колонны, резко поднял сжатую в кулак руку. Все замерли, вжимаясь в холодный камень.

Внизу, в соседнем ущелье, пролегал узкая горная дорога. Оттуда слышался отдаленный, но четкий шум двигателя

и приглушенные радиопереговоры. Вскоре мы увидели патруль советских пограничников на БРДМ-2. Они двигались неспешно, прочесывая местность. Мы лежали на открытом склоне, и если бы один из них посветил прожектором в нашу сторону...

– Прижаться, не шевелиться, – едва слышно скомандовал я.

Мы затаились среди огромных валунов, вжавшись в камни и натянув поверх себя маскхалаты. Пограничники прошли в каких-то двадцати метрах ниже нас. Один из них, молоденький солдат, даже посветил фонарем в нашу сторону. Луч скользнул по камням прямо над моей головой, мельком осветил бледное, напряженное лицо Дамирова и ушел дальше. Сердце колотилось так, что, казалось, его слышно даже сквозь вой ветра. Была горькая ирония в том, что нас, элиту ГРУ, могли засечь и «обезвредить» свои же.

– Фух, – выдохнул Шут, когда БРДМ скрылись из виду. – Вот какого черта они тут остановились? Война окончена, духов тут нет. Хорошо еще, что не по нам светили. А то пришлось бы объяснять, кто мы такие. Сомневаюсь, что поверили бы.

– Тихо! – буркнул я, чувствуя, как адреналин понемногу отступает. – Двигаемся дальше.

Часам к десяти, уставшие и изможденные, мы вышли на гребень пологого хребта. Внизу, в предрассветной дымке, лежала неширокая долина, в центре которой виднелась цель

– тот самый кишлак. Скопление глинобитных домиков под плоскими крышами, обнесенное невысоким, но основательным дувалом.

Гуров мгновенно разложил карту, осмотрел ее, свернул. Затем принялся изучать местность через мощный бинокль.

– Проблема, Гром, – констатировал он через несколько минут. – Подходы к кишлаку простреливаются насквозь. Условная «охрана» расставлена не абы как, а по всем правилам. На крышах, у колодца, на въезде – везде посты. Ни подкопаться, ни подкрасться. Учебная, говорили? Да там, по моим прикидкам, человек двадцать, не меньше. И явно не сонные. Знают же, что мы придем!

– Так... Лобовой штурм отмечаем сразу, – тихо произнес я, всматриваясь в границы кишлака. – Задача – проникнуть незамеченными, а не устраивать тут светошумовое шоу! С севера не подобраться – видимость из кишлака хорошая, а рельеф местности плохой. С востока тоже не выйдет, там открытое место и все просматривается. Остается юг или запад. Но на обход уйдет много времени, а у нас его немного осталось.

– А если по руслу той речушки? – Дамиров указал пальцем на карту, где извилистая линия, подходившая к кишлаку почти вплотную с восточной стороны. – Оно почти пересохло, но зато там есть молодая растительность. Если надеть маскхалаты... Есть шанс пробраться.

Гуров внимательно посмотрел в бинокль, затем на карту.

– Хм... Рискованно, но возможно, это единственный возможный вариант, – кивнул он. – Там очень узко. Пройдут один-два человека. Шут, ты и я.

Решение было очевидным. Но понравилось не всем. Впрочем, я ожидал чего-то подобного. Зачем лезть в логово медведя десятерым, если могут пойти только двое? Тем более опыт проникновения на такие объекты у нас с Шутом уже имелся.

– Ну, будем пробовать! – окончательно решил я. – Сначала нужно дождаться темноты, так пробраться незамеченными будет значительно проще. Остальные занимают позиции здесь, сразу за гребнем. Обеспечиваете прикрытие и наблюдаете. Если что, создаете отвлекающий шум. На все это уйдет не больше часа, но сначала нужно дождаться темноты. Потом отход по тому же маршруту. Вопросы?

– Импровизация! – вздохнул Женька.

– Как всегда! – кивнул Шут, натягивая маскхалат.

С наступлением темноты мы с Корнеевым, как две тени, начали медленный и опасный спуск по крутому склону к высохшему руслу. Каждое движение было выверено. Мы не шли, а буквально стекали вниз, используя каждый камень, каждую неровность как опору. Один неверный шаг, один сорвавшийся камень – и нас могут услышать. Шут шел почти бесшумно. Вещи и громоздкое оружие, кроме пистолетов, мы оставили у товарищей. Мешки с барахлом взяли с собой, но решили оставить их у русла. Сначала нужно было развед-

ку провести.

Добравшись до русла, мы поползли. Мелкая галька и песок неприятно хрустели под локтями и коленями, но шум ветра, завывавший в узком каменном коридоре, и отдаленный лай собак из кишлака скрывали наши звуки. Поросли молодого, зеленого камыша скрывали нас от случайных взглядов, но приходилось ползти так, чтобы не цеплять стебли.

Ползли медленно, по-пластунски, сливаясь с темным дном русла. Само собой, промокли. Охрана, расставленная по периметру, лениво переговаривалась, покуривая. Мы проползли буквально в десяти метрах от одного из «боевиков», сидевшего на корточках, и он даже не пошевелился.

Но когда до кишлака осталось метров тридцать, я остановился.

– Зараза... – почти бесшумно прошипел я, наткнувшись на коварную проблему.

– Чего там? – тихо спросил Паша, двигаясь следом за мной.

– Тут сигнальная растяжка стоит. Очень чувствительная. И не одна... Отсюда не пройти!

Глава 6. Непредвиденные сложности

– Черт, – беззвучно выдохнул я, вжимаясь в сырую землю русла. Досадно получилось.

Кто-то из инструкторов, действительно, хорошо постарался, перекрыл к кишлаку все наиболее видимые подходы. Сдавалось мне, что скорее всего, тут поработал не один человек, а целая группа. Ну, ничего. Они не могли учесть все нюансы – так не бывает.

– Что будем делать?

– Осторожно, назад, – прошипел я Корнееву. Мы медленно поползли задом, метр за метром, затаив дыхание. Оба держали в поле зрения охрану – расстояние около сорока метров, не больше. Благо они не вообще не считали нужным вглядываться во тьму. Были уверены, что все под контролем и тут мышь не прошмыгнет? Ну-ну...

Или же, либо они не знали про возможное проникновение, либо их дезинформировали и потому они не придавали возможному развитию событий большого значения. Интересно, а кто же они такие? Обычные срочники из пехоты, что постоянно дежурили на объекте, или же сверхсрочники, как-то имеющие отношение к учебному центру ГРУ? Вряд ли второе, столько свободных бойцов не наберется во всем

округе.

Мы продолжали отходить. Маскхалаты и КЗС уже давно промокли от воды, что местами журчала между камней. От этого двигаться было сложнее, ткань прилипала к телу – тоже неприятно. Метр за метром постепенно оставался позади. Вернее, впереди, учитывая характер движения. Каждый хруст гальки под локтями, каждый шорох отдавался в висках громом.

Наконец, мы отползли на безопасное расстояние, заползли за камни и приняли вертикальное положение. Паша отложил «эрдэшку» с хламом в сторону, затем принялся отряхивать с камуфляжа и маскхалата влажный песок и мелкий мусор. Сплюнул от досады, его мрачное лицо в предрассветных сумерках было заметно напряженным и усталым.

– Все чисто, да? – пробурчал он. – Развели нас, как котят! Лобовой вход – самоубийство, с флангов – сигнальные растяжки. Что будем делать, командир?

У меня внутри все сжалось в тугой комок. Время неудержимо утекало, словно вода сквозь пальцы, а мы топтались на месте. Оставалось примерно шесть часов до окончания срока «скачек». Провали мы их – будет некрасивое пятно на нашей репутации, а реакцию командования предсказать не сложно. Сложнейшие, порой невыполнимые задания как-то тащили, а тут, на учебных заданиях сели в лужу. Это даже не смешно, сама мысль вызывала только раздражение.

Привыкли мы к победам, этого не отнять. Ни одна из них

не была простой, но суть не в этом. Группа «Зет» еще ни разу ничего не провалила.

Я чувствовал, как по спине бегут мурашки бессильного гнева. Сжал кулаки. Выглянул из-за камня в сторону кишлака.

– Так... идем по большой дуге, попробуем с юга, – сквозь зубы я принял следующее решение. – Только тихо и медленно. Смотрим в оба. Надеюсь, с той стороны сюрпризов не будет.

Мы вновь, ползком двинулись в обход, петляя по сложному, пересеченному рельефу. Иногда ноги вязли в осыпающемся щебне или мокром песке, периодически приходилось цепляться руками за острые выступы скал. Каждый шаг давался с трудом, мышцы ныли от постоянного напряжения.

Прошло примерно минут двадцать. Мы преодолели больше половины пути до кишлака, извиваясь между укрытиями, словно змеи. И снова чуть не угодили в ловушку!

Шут, на этот раз двигавшийся первым, вдруг замер в полуметре от очередной растяжки, вовремя заметив слабый блик медной проволоки. Сердце на мгновение остановилось, а потом забилось с бешеной силой.

– Тьфу, мля! Гром, тут растяжка, но уже не сигнальная! Впереди есть еще. Они этот кишлак оградили, словно островок в море. Не подобраться!

– Паршиво! – хмыкнул я. Честно говоря, чего-то подобного я и ожидал. Ну, это логично: оставлять такую дыру в

даже в учебной обороне – глупо. Инструкторы и впрямь постарались хорошо, предусмотрели и это. Но я по-прежнему придерживался мнения, что все они предусмотреть не могли, человеческий фактор никто не отменял. Импровизация выручала меня не один раз, именно поэтому я для своих врагов был непредсказуем. Здесь то же самое. Просто оказалось, что инструкторы, видя нас на тренировках и занятиях, знали нас лучше, чем другие, и в этом у них было некоторое преимущество.

Мы снова начали отступать. Вернулись почти что на исходную. К нам приполз Смирнов, получил от меня указание ждать и уполз обратно.

Периодически я чувствовал, как внутри закипает отчаяние, смешанное со сдержанной яростью. Этот невидимый противник, составивший план обороны, был слишком хорош. Я мысленно перебирал варианты, но каждый раз упирался в тупик.

Штурм? Бессмысленно и противоречит задаче. Ожидать? На это просто нет времени, с каждой минутой рассвет ближе и ближе. К тому же мы слишком много времени потратили на путь сюда – тоже не просто так. Время было подобрано специально, чтобы у нас было мало времени на подготовку плана по проникновению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.